

Полина Дашкова

Эфирное время

«АСТ»

2000

Дашкова П. В.

Эфирное время / П. В. Дашкова — «АСТ», 2000

Убит скандальный телеведущий, журналист Артем Бутейко – яркий представитель желтой прессы, известный своим коварством и беспринципностью. Наберется не меньше сотни людей, у которых могли бы быть мотивы для убийства. Стыд – одно из самых сильных человеческих чувств, способное подтолкнуть к преступлению, и жертва почти всегда виновата в том, что она жертва!

© Дашкова П. В., 2000

© АСТ, 2000

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	45
Глава 6	48
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Полина Дашкова

Эфирное время

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

ЭФИР – предполагаемое во всем пространстве вселенной вещество, по тонкости своей недоступное чувствам...
«Толковый словарь живого великорусского языка» Владимира Даля

Глава 1

Артем Бутейко тупо глядел в зеркало на свое бледно-зеленое, распухшее лицо. Глаза были холодные, мутные, как утренние московские лужи, подернутые зыбкой наледью.

– Опять будем Новый год встречать вплавь. – Молоденькая гримерша Люба скорчила кислую рожицу и стала быстрыми легкими движениями наносить тон на небритые щеки Артема. – Слушай, Бутейко, может, тебе валерьянки в глаза закапать?

– Зачем? – вяло удивился Артем. – Это только коты от валерьянки возбуждаются.

– А ты и есть кот, – подал сонный голос оператор Егор Викторович, отхлебнул остывший кофе и закурил.

– Ничего вы не понимаете, – снисходительно улыбнулась Люба, – во-первых, все вы коты, у всех у вас суть животная, во-вторых, у тебя, Бутейко, взгляд какой-то мертвый, а от валерьянки глаза блестят. Барышни в прошлом веке ее закапывали, отправляясь на бал или на свидание. И еще уксус пили, для романтической бледности.

– Образованная, – проворчал Артем, потягиваясь с хрустом, – ненавижу образованных женщин.

До эфира оставалось пять минут. Артем подумал, что именно с этой фразы и стоит начать свой игривый обзор самых грязных сплетен за прошедшую неделю.

– Хватит меня мазать, – он поморщился и грубо оттолкнул Любину руку с розовой губкой. Он сильно потел и боялся, что в жарком софитовом свете по лицу потечет грим.

Отыграла коротенькая бравурная музыкальная заставка. Повисла тяжелая тишина, какая всегда бывает перед эфиром. Длится она не более минуты, но кажется, будто проходит вечность. Минута эта так напрягает, так взвинчивает, что хочется вскочить и выбежать вон из студии, пока не поздно.

Артем заставил себя сосредоточиться, крепко зажмуриться, передернул плечами.

Все. Лицо его появилось на экране. Он был в прямом эфире, один на один с миллионами телезрителей.

– Ненавижу образованных женщин, – произнес Артем, хмуро глядя в камеру, – терпеть их не могу. Ну ладно, дорогие телезрители, братья и сестры, господа и товарищи, леди и джентльмены, дамы, мадамы и невинные девицы, будем считать это моими личными трудностями. Итак, что у нас там произошло за мучительно долгие дни разлуки? Да, в общем, ничего особенного. Начнем с политических новостей. Известный демократ, политик с большой буквы господин Прибавкин был замечен в одном интересном месте, а именно, в закрытом клубе под скромным названием «П», в обществе еще более известной эстрадной звезды, и не просто в обществе, но в объятиях оной звезды Кати Красной. Катя уютно устроилась на мускулистых коленях политика, болтала своими стройными ножками и поделилась с нашим корреспондентом интересной новостью. Оказывается, в ближайшее время Катя планирует зачать с помощью демократа Прибавкина, спасителя России, нового мессию, который обеспечит нам с вами светлое и радостное будущее. Так что, господа-товарищи, у нас с вами нет оснований для паники. Думаю, в следующей программе я буду иметь честь сообщить вам, что историческое зачатие свершилось. Возможно, удастся узнать подробности этого великого акта. А если повезет, я даже приглашу счастливую парочку, политика и певицу, поделиться впечатлениями. Ура, товарищи!

Артем сделал паузу, давая «товарищам» у телеэкранов оценить соленый юмор светской сплетни. В кадре лицо его сменилось круглой курносой мордашкой певицы Кати Красной. Показали трехминутный отрывок из ее последнего клипа.

Сюжет был, разумеется, платным. Катин продюсер отчаянно торговался, после кризиса цены упали, минута косвенной рекламы даже в самых популярных программах подешевела

в пять раз. Артему удалось выбить максимум, триста долларов за эту проклятую дешевую минутку. Соответственно, весь пятиминутный сюжет стоил полторы тысячи. Но об этом никто, кроме Артема, не ведал, и делился он с коллегами из расчета сто пятьдесят за минуту. Арифметика эта действовала на него ободряюще. Если так пойдет дальше, ему удастся довольно быстро и безболезненно расплатиться с самыми неприятными долгами.

Кусок клипа кончился. Артем был опять в кадре. В мозгу его выключился калькулятор и заработала совсем другая машинка.

– Что ж, дорогие телезрители, мы с вами получили истинное эротическое, или нет, эстетическое удовольствие, но, в общем, это как кому нравится. Наша замечательная Катюша, как всегда, на высоте. Остается пожелать ей сохранить свои соблазнительные формы на многие-многое годы. Катюша! Я тебя люблю!

Он послал в эфир воздушный поцелуй и тут же скорчил брезгливую рожу, чтобы никому не пришло в голову заподозрить его в каких-то особенных симпатиях к восходящей звезде. Больше всего на свете Артем опасался показаться банальным, то есть вежливым, доброжелательным и хорошо воспитанным.

– А теперь от высокого перейдем к еще более высокому. Французская кинозвезда, которая многие годы являлась мировым, а может, даже и вселенским секс-символом, сегодня устремила поток своей неизрасходованной любви на бездомных животных. На днях она прибыла к нам в Россию, чтобы вмешаться в судьбу одной бедной собачонки, живущей на помойке в славном городе Засранске Ростовской области. Посмотрите наш специальный репортаж.

Лицо Артема опять сменилось заранее снятым материалом. Под язвительный комментарий молоденькой корреспондентки густо накрашенная старушка-француженка кормила с ладони кусочками ветчины облезлую бездомную псину. Потом, профессионально оскалившись в телекамеру, закутавшись в норковое манто и махнув ручкой, кинозвезда выкатилась из кадра на бандитском джипе, который предоставили ей вместе с охраной местные власти.

– Простите, – Артем шмыгнул носом и утер воображаемую слезу, – то, что мы сейчас увидели, так трогательно, что я невольно разрыдался. Мы с вами можем не волноваться за судьбу засранской псины. Кстати, мировая звезда великодушно подарила ей собственное звездное имя. Песика теперь зовут Бриджит, и с помойкой эта сучка попрощалась навеки.

Он опять шмыгнул носом. Глаза у него действительно заслезились, но вовсе не от умиления. Он чувствовал себя таким разбитым, что с трудом дотягивал до конца программы. Смысл собственной хриплой скороговорки едва доходил до сознания. Впрочем, никакого смысла его болтовня и не предполагала. В этом была соль программы.

После жуткого кризиса, разразившегося совсем недавно, в конце августа, публика успела здорово устать от политических умных монологов, от теледебатов, в которых речь шла исключительно о важных, глобальных проблемах, от мрачных пророчеств и собственных рухнувших надежд.

– Нам всем надо расслабиться. По-настоящему расслабиться, – убеждал Артем уцелевших телевизионных чиновников.

Чиновники реагировали по-разному, одни одобряли его проект, другие скептически пожимали плечами, резонно замечая, что сегодня и так каждая развлекательная программа пытается изо всех сил расслабить бедного телезрителя, растворить его мозги до желеобразного состояния. Впрочем, ни одобрение, ни скепсис этих чиновников уже не имели значения. Они слетали со своих постов, как поздней осенью последние листья.

«Добро» на программу подписал новый заместитель директора канала всего полтора месяца назад, но не потому, что хотел помочь телезрителям расслабиться. Просто он смекнул, что в такую программу легко можно втискивать любую, самую наглую косвенную рекламу. По неофициальному устному соглашению, от каждого платного сюжета Артем Бутейко обязан был

отстегивать заместителю директора тридцать процентов. Это были бесконтрольные и в общем легкие деньги. Программу Артем делал практически из ничего.

Любому событию он умел придать оттенок скандальности. Каждый, самый незначительный шаг знаменитой личности журналист Бутейко мог прокомментировать таким образом, что зрителя не покидала иллюзия, будто знаменитыми и богатыми становятся только отъявленные мошенники, наглые ловкие мерзавцы, изощренные развратники, проходимцы, а он, честный рядовой телезритель, благородный обыватель, остается по ту сторону экрана исключительно из-за своей природной добропорядочности и отсутствия нужных связей.

Но искусством создавать подобные иллюзии и зарабатывать на этом деньги владели многие. На самом деле платные сюжеты содержали пикантную информацию, которую знаменитости сами с удовольствием открывали публике. Артем отдавал себе отчет, что для настоящего успеха необходимы настоящие скандалы. Публика с каждым годом становилась все искушенней и привередливей, интуитивно чувствовала подвох и ждала чего-то большего, чего-то совсем уж запредельного, запретного, оглушительного, вовсе не предназначенного для ее жадных глаз и ушей.

Чтобы интерес к программе не увял, чтобы зритель не чувствовал себя обманутым, пора было начать разбавлять дозволенную грязь недозволенной, выдавать то, что знаменитости предпочитают скрывать.

Усталость Артема, головная боль, красные слезящиеся глаза – все это было следствием нескольких бессонных ночей, которые он провел на лавочке в одном из тихих дворов в центре Москвы, держа наготове маленькую видеокамеру со светочувствительным объективом. Он занимался привычным для себя делом – охотой за знаменитостью.

Неделю назад он случайно услышал, как одна из самых известных телеведущих, политический обозреватель первого канала Елизавета Павловна Беляева, в баре в «Останкино» тихо разговаривала по своему радиотелефону. Что-то сразу насторожило опытного репортера, то ли ее интонация, то ли напряженность позы. Она не подозревала, что к разговору кто-то прислушивается. Артем сидел у нее за спиной, к тому же прятался в тени, да и народу в баре было много.

– Перестань, пожалуйста... нет, не нужно... Юра, послушай меня, только спокойно... я не могу, я обещала... ну потерпи еще пару дней... – говорила Беляева, прикрыв трубку ладонью. – Хорошо, Юраша, я заеду к тебе сразу после эфира.

Артем знал, что эфир у нее заканчивается в половине первой ночи. Ему было известно, что мужа телеведущей зовут Михаил Генрихович, братьев у нее нет, ни родных, ни двоюродных. Его вдруг страшно заинтересовало, к какому это нетерпеливому «Юраше» сорокалетняя звезда, образец добропорядочности, верная жена, мать двоих детей, собирается заехать в такое позднее время.

Собственной машины Артем не имел. Он поймал у телецентра неприметную «копейку», и за сотню рублей водитель согласился везти его хоть на край света.

Следовать за вишневой «Шкодой» Елизаветы Павловны по пустым ночным улицам было совсем не сложно. «Шкода» доехала до центра и свернула в переулок неподалеку от метро «Новокузнецкая», оттуда во двор. Бутейко расплатился и отпустил шофера.

Во дворе было светло от снега и ярких фонарей. Опытный глаз Артема тут же нашел укрытие, щель между «ракушками», откуда отлично просматривались все подъезды добротного сталинского дома, стоящего буквой П.

Беляева припарковала машину и не успела выйти, как к ней кинулся крупный толстолапый щенок добермана-пинчера. Собака бурно радовалась Елизавете Павловне, и почти так же бурно обрадовался хозяин, невысокий коренастый мужчина с поводком в руке.

И вот тут Артем чуть не зарыдал. Беляева и этот мужчина обнялись и стали целоваться прямо на улице, в пустом дворе. Артем готов был биться головой о железную стену «ракушки».

При нем, как назло, не оказалось ни видеокамеры, ни даже фотоаппарата. Он отлично знал, что это не ее дом, не ее муж и не ее собака.

Щенок почуял чужого, принялся лаять на «ракушки», и Артем смылся от греха подальше. Елизавета Павловна могла его заметить, а это вовсе не входило в его планы.

С тех пор каждый свой свободный вечер он проводил в этом дворе, пару раз видел мужчину со щенком, разглядел его довольно подробно. У словоохотливой пожилой почтальонши за десятку выяснил, что зовут его Юрий Иванович Захаров, ему сорок три года, он ветеринарный врач, давно разведен, есть ли дети, неизвестно, живет один, недавно завел себе щенка добермана. Артем мог бы запросто ветеринара заснять, однако без Елизаветы Павловны это не имело смысла. А она все не появлялась.

Его сжигал профессиональный азарт. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы сцена страстных объятий и поцелуев повторилась на «бис», но уже на экране, в его авторской программе, и ради этого он мог не спать хоть десять ночей подряд, мерзнуть в пустом дворе с видеокамерой наготове.

Несмотря на крайнюю усталость, Артем готов был сегодня, сразу после программы, опять мчаться в тот тихий двор у «Новокузнецкой», однако знал точно, что уже нет смысла. Вчера утром героиня вождественного скандала улетела в Монреаль на неделю.

В дневных новостях по всем телеканалам было показано официальное открытие крупной международной конференции по правам человека. Среди членов российской делегации была одна из самых известных и обаятельных женщин, кандидат исторических наук, политический обозреватель первого канала Елизавета Павловна Беляева. Артем мог со спокойной душой ехать после программы домой и отсыпаться. В ближайшие пять дней скандального «эксклюзива» о тайном романе популярной телеведущей Елизаветы Беляевой ему снять не удастся.

* * *

Саня Анисимов расправил шарф перед зеркалом в прихожей, пригладил волосы и, прежде чем открыть дверь, заглянул в полумрак гостиной, произнес как можно небрежней:

– Наташка, я ушел! – Он не ждал никакого ответа, они с женой сегодня трижды ссорились и только дважды мирились.

– Ты куда? – Наталья возникла, как привидение, в дверном проеме спальни, босая, в халате. Спутанные светлые пряди упали на щеки, воспаленные красные глаза часто моргали.

Саня машинально отметил, что с ненакрашенными ресницами его жена напоминает белого кролика. Раньше ее бледное бесцветное личико казалось ему нежным и трогательным, а теперь раздражало.

Наталья в последнее время была вялой, засыпала на ходу, зевала, прикрывая рот ладошкой, даже когда ругалась с Саней. Спала только днем, урывками. Ночами ей приходилось по нескольку часов подряд катать детскую кроватку туда-сюда, ходить по комнате из угла в угол с Димычем на руках. Ребенку было девять месяцев. У него тяжело, с болью и высокой температурой, резались зубки, ночами он плакал и совсем не спал.

– По делам, – буркнул Саня, стараясь не глядеть на жену, машинально расстегнул и опять застегнул короткую дубленку, еще раз поправил шарф и затоптался у двери, как нетерпеливый конь.

– В десять вечера? Не ври, Санька, какие могут быть дела в десять вечера в субботу? – Голос Натальи задрожал, послышались гадкие истерические нотки.

– Прекрати. Ты отлично знаешь, дел у меня сейчас очень много. Я должен встретиться с одним нужным человеком. Вернусь поздно, – Саня старался говорить спокойно, но раздражение все-таки вырвалось наружу, – и вообще, хватит. Мне надоели твои истерики.

Наталья всхлипнула. Лицо ее моментально вспухло и покрылось красными пятнами.

– Я сижу дома целыми днями. Двор, магазин, детская поликлиника. Я так с ума сойду, Саня. Ты уходишь, когда хочешь, куда хочешь, а я сижу, как привязанная, в четырех стенах. Я ведь знаю, у тебя есть кто-то. Но я не могу тебе тем же ответить. Не могу...

– Почему ты без конца пилишь меня?! И так тошно! Нет у меня никого, поняла, дура?! – неожиданно для себя выкрикнул Саня ей в лицо так, что полетела слюна, и оттого, что самому себе в этот момент стал противен, разозлился еще больше. – Ты сидишь с ребенком. Я кормлю семью. У нас все нормально. Квартира, машина, дача, две шубы у тебя, на день рождения захотела изумрудные сережки – купил. Платье от «Диора» захотела – купил.

– Ага, конечно! – Наталья шмыгнула носом. – А куда я пойду в этом платье? В детскую поликлинику? На рынок? Ты обещал няню!

– Слушай, детка, ты понимаешь, что в стране кризис? Ты хоть раз вместо сериала новости посмотри! Где я тебе сейчас возьму денег на няню? Скажи спасибо, что на памперсы пока хватает.

– Не называй меня деткой! Ты прекрасно знаешь, не смотрю я сериалы, меня от них мутит, – всхлипнула Наташа, – не делай из меня идиотку. Это очень удобно – иметь тупицу-жену, предмет домашнего обихода. Тогда и на сторону не грех сбегать. Скучно ведь с душой, которая, кроме всяких «Жестоких ангелов», ничего не видит и не понимает.

Из комнаты послышался громкий детский плач. Наталья махнула рукой и произнесла неожиданно спокойно, вскинув подбородок:

– Ладно, катись куда хочешь. – Резко развернувшись, она ушла в комнату, и через минуту оттуда раздался ее голос, совсем другой, глубокий, мягкий, ласковый: – Солнышко мое, проснулся, маленький, ну, иди к маме на ручки, сейчас покушаем...

Плач сменился радостным гуканьем, Саня не удержался, приоткрыл дверь, увидел, как Наталья, усевшись на тахту, кормит грудью ребенка. Димыч громко, жадно причмокивал, посапывал, Наталья смотрела на него, чуть улыбаясь, красные пятна исчезли, свет настольной лампы пронизывал насквозь легкие спутанные пряди, лицо опять казалось нежным, почти прозрачным. Саня быстро прошел в комнату, неловко, как будто виновато, поцеловал Наталью в пробор, провел ладонью по теплой шелковистой головке Димыча.

– Ты куда в ботинках по ковру? – не поднимая головы, вяло бросила Наталья, и улыбка растаяла на ее склоненном лице.

«Все! Надоело, на фиг!» – рывкнул Саня про себя и ушел из дома в мокрый декабрьский мрак.

Во дворе он привычным жестом вытащил из кармана и подкинул на ладони ключи от машины, но тут же убрал их назад, сплюнул в грязный снег и тихо выругался. В машине, в новеньком «Рено», три дня назад полетело сцепление, а денег на поездку в автосервис не было. Он зашагал к переулку, хотел было поднять руку, остановить такси, но вспомнил, что в бумажнике осталось всего три полтинника и тратить один из них на такси неразумно. Надо еще купить сигарет, причем хороших, дорогих. Пачка «Парламента» стоит сейчас тридцать пять рублей. А ночью, в ларьке, полтинник. Вот уже месяц он курил сравнительно дешевый «Честерфилд», который покупал блоками у старушек возле метро. Однако сегодня особенный вечер.

Стоя у двери в вагоне метро, он заставлял себя не думать о том, что скажет завтра Наталья, когда она потребует денег на продукты и на памперсы. Еще утром он с раздражением отметил, что в ярко-голубом пакете осталось не больше пяти штук. Раньше он не замечал таких мелочей.

Ресторан находился прямо напротив выхода из метро. Саня, низко опустив голову, не глядя по сторонам, быстро прошмыгнул в ближайший проходной двор, оттуда в параллельный переулок. Вдруг они уже приехали, но в ресторан еще не вошли, сидят в машине или стоят у двери? Нельзя допустить, чтобы они увидели, как он выходит из метро.

В переулке порыв сырого колючего ветра заставил его съежиться, озноб пронизал насквозь, теплая легкая дубленка, купленная совсем недавно за полторы тысячи долларов в одном из магазинов известной фирмы «В энд Л», вдруг показалась совсем ветхой, старенькой. Замшевые ботинки фирмы «Лорд» пропитались ледяной слякотью, на них выступили белые разводы соли.

Подходя к ярко освещенному подъезду ресторана, он заставил себя распрямиться, передернул плечами. Но озноб не проходил. Это был нервный озноб, Саня давно так сильно не нервничал.

– Вас ждут, – сообщил ложенный метрдотель, провожая Саню через зал к отдельному кабинету.

В зале гремела музыка. Живой оркестр исполнял композицию на тему последнего шлягера модной певицы Кати Красной. На кругу перед оркестром извивалась и подрагивала животом рыхлая девушка в прозрачных шароварах, с серебряными звездами на огромных, как астраханские арбузы, грудях. Публика за столиками жевала, пила, болтала и смеялась почти беззвучно из-за грохота оркестра. Никто на девицу не смотрел, однако за тонким серебристым пояском на ее талии уже торчало несколько зеленых купюр. Продолжая извиваться с томной, полусонной улыбкой, танцовщица пошла вдоль ряда столиков, прямо навстречу Сане и метрдотелю. В узком проходе она задержалась, ожидая, пока пожилой потный кавказец извлечет деньги из своего бумажника. Он был сильно пьян, несколько длинных прядей, прикрывавших лысину, взлохматились, торчали куда-то вбок, как косые тонкие рога, на подбородке повисла капля ткемалевого красного соуса, руки дрожали, бумажник выпал, пухлая пачка долларов рассыпалась веером, прямо под ноги Сане.

Их было много, бесстыдно много. Сотенные, старые и новые. Саня зачем-то попытался посчитать. Господи, какая куча денег! Не меньше пятидесяти купюр, то есть пять тысяч долларов...

Еще в июле солидные люди не носили с собой столько наличных. Пользовались пластиковыми карточками. У Сани тоже остались эти бесполезные плотные прямоугольники. Они валялись в ящике с игрушками, Димыч иногда играл с ними, они блестели и упруго щелкали о борт манежа.

Саня нервно сглотнул. Кровь прихлынула к щекам, он стоял, тупо и растерянно соображая, как лучше поступить – помочь пьяному пожилому человеку собрать деньги? Аккуратно перешагнуть, обойти, не глядя? А может, быстро наступить на те, что лежат прямо у его побелевшего ботинка? Штуки три, не меньше... Если бы к подошве была прилеплена жвачка, тогда хотя бы одна сотня могла прицепиться... хотя бы одна.

«Черт, совсем у меня крыша съехала», – подумал Саня, поймал в огромном зеркале собственный взгляд, нехороший, загнанный, и тут же встретился со спокойной улыбкой танцовщицы. Девушка стояла рядом и поправляла волосы, глядя в зеркало. Она просто пользовалась паузой, отдыхала. Ее трудолюбивый живот ритмично вздымался и опускался. Метрдотель собирал купюры.

– Вам туда, молодой человек, – услышал Саня голос метрдотеля, и ему показалось, что и в голосе этом, и в небрежном кивке на дверь отдельного кабинета сквозит презрение. Не в том дело, что лакей сумел прочесть его мысли. Просто заметил соль на ботинках, когда ползал по полу. У приличных людей, которых он радушно принимает в этом приличном заведении, обувь всегда чистая и сухая. Они ездят в машинах и по слякоти не шлеются.

Саня глубоко вздохнул, задержал воздух, надул щеки, выдохнул с легким присвистом, потом натянул на лицо надменную спокойную улыбку, как грабитель натягивает черную шапку с дырами для глаз и для рта, и наконец решительно шагнул к тяжелым бархатным портьерам.

В просторном кабинете за круглым стеклянным столом-аквариумом сидели двое. В аквариуме плавали живые рыбы. Вместе с Саней в кабинет ввалился грохот оркестра, но, как только

дверь закрылась, стало опять тихо. Мерно гудел кондиционер, поглощая табачный дым. Пахло озоном, как после грозы.

– Выглядишь неплохо, поправился вроде? – приветствовал Саню рыхлый молодой человек в замшевом пиджаке.

Вова Мухин несколько лет проработал в автосервисе, попытался начать собственное дело, но не сумел, был раздавлен бандитскими наездами, подставлен подлыми конкурентами и не менее подлыми компаньонами, махнул рукой на коммерцию и заделался массажистом в дорогом спорткомплексе. Чтобы разминать бока клиентам, нужно много сил. Вова стал усиленно питаться, и его разнесло. С тех пор всем худощавым знакомым мужского пола он с ехидной ухмылкой сообщал при встрече, что они «поправились».

Саня кивнул, что-то буркнул в ответ и медленно перевел взгляд на второго человека, который сидел, откинувшись на спинку стула. Лицо его пряталось в полумраке, Саня разглядел только очерк круглой бритой головы, крепкую бычью шею, чуть оттопыренные уши.

– Привет. – Короткая, как обрубок, толстопалая кисть протянулась к нему через стол. Сверкнули бриллианты двух тяжелых перстней. Сверкнул неестественно белый фарфор во рту. Рукопожатие оказалось слабым, ладонь – влажной. Однако это неприятное приветствие взбодрило Саню. Он загадал сегодня утром, сразу после разговора с Вовой: если легендарный Клим первым протянет руку при знакомстве, значит, сделка состоится и дальше все пойдет хорошо.

Вова позвонил сегодня утром совершенно неожиданно. Они не виделись с августа. Саня подумал, что приятель начнет просить о чем-нибудь, и готов был закончить разговор как можно скорей. Но Вова не просил. Совсем наоборот. Он пригласил Саню в ресторан, чего прежде никогда не случалось. Тон у него был таинственно-небрежный.

– Тут Клим из Германии приехал, спрашивал, нет ли у меня толковых надежных ребят на примете. Таких, которые не успели свихнуться после кризиса. Я сразу подумал о тебе.

Саня никогда не видел Эрнеста Климова, преуспевающего бизнесмена, почти миллионера, но слышал о нем всякий раз, когда встречался с Вовой. Мухин был знаком с Эрнестом Климовым меньше года, и все это время не переставал рассказывать о нем разные фантастические истории. Клим был живой легендой. Он сделал себя из ничего, пятнадцать лет назад перепродал пару блоков сигарет, а сегодня владел крупной германо-российской посреднической фирмой.

За пятнадцать лет успешной коммерческой деятельности Клим пережил пять покушений. И ни разу ни царапины. Он никогда не болел, никогда не сидел в тюрьме, двумя пальцами гнул пополам серебряный доллар. Уже занимаясь коммерцией, заочно окончил юридический факультет Московского университета, а потом еще какой-то престижный экономический колледж в Берлине. Свободно владел тремя языками, в редкие часы досуга читал Шекспира, Гете и Бальзака в подлинниках. Женат был на лауреатке конкурса красоты, здоровался за руку и запросто болтал с самыми высокими правительственными чиновниками, не только российскими, но и германскими, играючи справлялся с самыми серьезными бандитскими наездами, умудрялся дружить с налоговой полицией немецкой и российской, имел крепкие связи на таможне, богател, процветал. Два дома в Германии, вилла на Кипре, дачи в Крыму и под Москвой, яхта, небольшая конная ферма, ежегодные поездки на сафари.

Если Саня делился с приятелем-массажистом какими-то своими коммерческими проблемами, Вова взалхлеб рассказывал, как у Клима когда-то случалось нечто подобное и он легко справлялся. Клим мог бы помочь Сане, душа у него добрая, да вот очень занят, как раз сейчас уехал на Гавайи покупать небольшой отель.

Саня давно намекал Вове, что не худо бы наконец познакомиться с этим распрекрасным Климом, посмотреть ему в глаза, прикоснуться к живой легенде. Но Вова все время находил уважительные причины, чтобы знакомство не состоялось. И продолжал рассказывать истории, романтические, детективные, авантюрные. Жанры менялись, герой оставался: Клим, Эрнест

Климов. Возможно, в душе толстого грубого Вовы дремал, свернувшись калачиком, хрупкий литературный талант.

Саня не сомневался, что знакомство это никогда не состоится. С такими полезными людьми просто так, по старой дружбе, в наше время никто никого не сводит. Только если предполагается в этом личная выгода. Однако вот, сидит перед Саней в полумраке отдельного кабинета живая легенда российского бизнеса.

Разговор сразу пошел о деле, и это взбодрило Саню еще больше. Типично западный подход, никаких предисловий. Правда, суть предложения Клим Саня пока не понял, но тут же решил, что от волнения слегка отупел.

Все эти дни Саня почти не мог есть, кусок застревал в горле. А тут разыгрался аппетит. Кухня в ресторане была отменной, за пряным розовым лобие последовали цыплята табака, потом был шашлык, он дышал угольным дымком, и Сане показалось, что такого нежного сочного мяса он еще никогда в жизни не пробовал.

– Поставки надо осуществлять поэтапно, небольшими партиями, со складскими помещениями сейчас проблемы, но это будут решать мои люди. – Клим вытянул из вазочки зубочистку. В ярком свете, люющем снизу, из аквариума, Саня заметил на среднем и указательном пальцах под настоящими перстнями нарисованные. Перстни-татуировки обозначают отсидки. Специалист может по ним определить, где именно сидел человек.

«Но Клим никогда не сидел», – мелькнуло у Сани в голове. И тут же он заметил на толстом запястье часы швейцарской фирмы «Лонжин». Эта деталь рассеяла внезапную муть неприятных сомнений.

Настоящий «Лонжин». Механика, золотой корпус, кожаный ремешок. В таких важных деталях мужского туалета Саня разбирался неплохо.

Человек, который носит обычный «Ролекс», не так богат, как хочет казаться. Если «Ролекс» золотой, в материальном благополучии его владельца можно не сомневаться, однако доверять ему не стоит. Он пижон, понтыриш. Большие деньги дались ему легко и случайно, завтра он их может потерять. А вот «Лонжин» говорит о надежности, спокойном стабильном достатке, как и костюм и галстук от «Боско ди Чильеджи».

С часов Саня перевел внимательный взгляд на запонки. Все нормально. Бриллианты, платина. И зажигалка «Ронсон», тоже платиновая, отделанная теплым черным деревом, чтобы было удобно и приятно брать в руку.

– Давайте еще раз выпьем за успех нашего безнадежного дела, – Клим поднял плоскую коньячную рюмку. Держал он ее грамотно, согрел в ладони. Саня чокнулся сначала с ним, потом с Вовой и выпил залпом. За успех.

* * *

Наташа ходила по комнате из угла в угол, Димыч хныкал, капризничал. Она покачивала его на руках, ласково напевала, однако внутри медленно вскипало раздражение. Оно жгло горло, как будто Наташа хлебнула кипятку. Голова кружилась от усталости, плечи и спина ныли. Димыч был тяжелый. Но если положить в кроватку, он зальется таким вдохновенным ревом, что потом еще часа два не успокоится.

– Ну, где он, твой дорогой папочка? – произнесла она злым быстрым шепотом. – Почему его нет до сих пор? Где он шляется ночами? Как будто семья для него не существует. Все по фигу, и ты, и я. И еще смеет что-то вякать о втором ребенке!

Все это она говорила, конечно, не маленькому Димычу, а самой себе, понимала, что не права и заводит себя нарочно, выдумывает проблемы на пустом месте. Но остановиться не могла.

Ей было скучно. Дни сливались в сплошной поток тихих домашних хлопот, прогулок, кормлений, стирок, походов в ближайший супермаркет с коляской. Скука перерастала в раздражение. Саня зарабатывал достаточно, чтобы обеспечить своей семье нормальную, сытую, беспроблемную жизнь, но слишком мало, чтобы избавить жену от необходимости сидеть дома с ребенком и заниматься домашним хозяйством.

Ей едва исполнилось двадцать. Она считала, что родила ребенка слишком рано, губит лучшие свои годы. Ей хотелось событий, беготни, нарядной веселой суеты, новых людей, хотелось ловить на себе жадные мужские взгляды, быть в центре внимания. В редкие свободные минуты она не знала, чем себя занять. Пробовала читать, но в строчках не видела никакого смысла, автоматически пробежала глазами пару страниц очередного любовного романа или детектива, спохватывалась, что не понимает, о чем речь, бросала книгу, включала телевизор, но и там, на экране, все было скучно, бессмысленно. Политика, сериалы, «Поле чудес», «Угадай мелодию». Одно и то же.

Наташа устала ходить, опустилась в кресло, продолжая укачивать Димыча. Попробовал бы Саня вот так, несколько часов подряд, баюкать ребенка. Подлец, мерзавец, сукин сын! Сидит сейчас в кабаке с какой-нибудь холеной размалеванной стервой, или уже не в кабаке, а в квартире, на тахте. Свет погашен, музыка тихонько играет, на журнальном столике кофе и ликер. Стерва скидывает туфли и грациозно поджимает свои длинные ноги в колготках с лайкрой, а Санина рука осторожно ложится на ее колено. Тьфу, пакость какая!

Наташа шмыгнула носом, посмотрела на Димыча. Оказывается, ребенок уже крепко спал. Она уложила его в кроватку, плюхнулась в кресло, включила телевизор, и тут же на экране появилась заспанная, помятая физиономия Артема Бутейко.

– Привет, жук-калоед, – произнесла Наташа, кивнув телеэкрану, – давно не виделись. И зачем тебя запустили в эфир? Кому нужны твои гадостные сплетни? Только тоску нагоняешь своим тупым пошлым юморком. Так стараешься шутить, как будто тужишься при запоре.

Поймав себя на том, что разговаривает вслух с телевизором, она тут же выключила его и всхлипнула. Физиономия Артема Бутейко окончательно испортила ей настроение. В квартире было тихо. Димыч мирно посапывал в кроватке. Лениво поднявшись, Наташа поплелась на кухню, включила чайник, хотя чаю ей вовсе не хотелось.

И вдруг зазвонил телефон. Вздрыгнув, она бросилась к аппарату, схватила трубку с такой поспешностью, словно ждала важного звонка. Но, услышав голос своей подружки Ольги Ситниковой, тут же увяла:

– А, это ты? Привет.

– Ребенка уложила? – деловито поинтересовалась Ольга.

– Ага. Только что уснул.

– Муж дома?

– Нет.

– Странная ты женщина, – вздохнула Ольга, – все ему позволяешь.

– Что – все?

– То самое. Мой Андрюша вот так же пропадал вечерами, я молчала, думала, работает, вкалывает, кормилец, себя не щадит. Сама знаешь, чем все кончилось.

Кончилось все действительно скверно. Несколько месяцев назад Андрюша бросил Ольгу с двухлетней дочерью.

– Саня по делам ушел. У него сейчас серьезные проблемы из-за кризиса, – неуверенно возразила Наташа.

– Ну конечно, по делам... Слушай, я тут Светку Берестневу встретила, она знаешь где теперь работает? В «Арлекино». Представляешь, танцует стриптиз.

– Seriously? У нее же ноги короткие!

Вяло и зло обсудили фигуру Светки Берестневой, потом Ольга опять оседлала своего любимого конька, стала рассуждать о подлости всех в мире мужчин.

Раньше Наташа старалась прекратить эти вредные для здоровья разговоры, выдумывала какой-нибудь предлог: Димыч проснулся, молоко убежало. «Прости, я тебе позже перезвоню» – и не перезванивала. Но сейчас ей было так тоскливо, так одиноко, что даже Ольгиной злой болтовне она была рада. Все-таки живой голос в трубке.

– Неужели ты ничего не чувствовала? Это ведь должно быть заметно, когда появляется у мужа другая женщина, – спросила она Ольгу и заметила про себя, что впервые задает этот вопрос не из сострадания, а с напряженным личным интересом.

– Чувствовала, конечно. Но не хотела себе признаваться. Обидно, унижительно. Да и что я могла бы изменить? Потом, когда все стало слишком очевидно, я бросалась в другую крайность – просила, умоляла, истерики закатывала, опустила до шантажа, пыталась вены резать. От этого только хуже. Если бы сейчас все сначала, я бы, разумеется, вела себя совсем иначе. Я бы сделала вид, будто мне все равно. А еще лучше, сама бы завела кого-нибудь. Вот тогда бы он, сукин сын, подумал, уходить или нет. Кстати, очень тебе советую.

– Что?

– Закрути роман. Пусть поревнует. Раньше будет домой возвращаться. Знаешь, они ведь только кажутся такими умными и сложными. На самом деле все просто. У каждого есть идеал жены: босая, беременная и на кухне. Только когда ты доходишь до этой идеальной кондиции, ты уже ему на фиг не нужна. Не интересна. К тебе относятся как к прислуге, даже хуже. Прислуге хотя бы деньги платят и стесняются хамить. Все-таки чужой человек.

Наташа слушала одновременно с отвращением и с каким-то мазохистским удовольствием. Да, все так. Все верно. Какая, на фиг, любовь? Босая, беременная, на кухне. Пирог в духовке, щи на плите, руки в тесте. «Привет, старушка! Что у нас сегодня на ужин? Опять курица? Ты знаешь, у меня кончились чистые носки. Не забудь погладить мою голубую рубашку».

А потом в этой отглаженной рубашке, чисто выбритый, благоухающий французским одеколоном, который ты подарила ему на день рождения, он прыгает в машину и несется на запрещенной скорости к свободным, небеременным, не кормящим, тщательно накрашенным. А ты, голубушка, сиди дома, стирай носки, возись с ребенком, тащись с коляской по слякоти в супермаркет, волоки тяжеленные сумки, старей, стервелей и будь счастлива.

– Как только жена становится домашней клушей, они начинают жить в свободном полете, если, конечно, есть деньги на оперение. И надо быть идиоткой, чтобы этого не замечать. Ну вот где сейчас твой драгоценный Саня? Где?

– На переговорах.

– Умница, – Ольга хрипло засмеялась, – ты всегда была умницей. Продолжай в том же духе. Держись, Наталья, и не сдавайся.

– Что ты имеешь в виду?

– Продолжай врать себе. Может, это вранье действительно мудрей и безопасней, чем правда.

– В чем же правда?

– В том, что ты живешь с козлом, – произнесла Ольга, и было слышно, что она в этот момент прикуривает.

– Почему обязательно с козлом? – возмутилась Наташа.

– Да потому. Помнишь русскую народную сказку? «Не пей из копытца, козленочком станешь». Но братец Иванушка не послушался, очень ему пить хотелось. Вот все они так, братцы Иванушки, тянут их хлебнуть из чужого копытца.

– Ну ладно, это все-таки сказка. А мой муж вовсе не козел, – мрачно произнесла Наташа после долгого молчания. – Конечно, и не принц датский. Нормальный человек, любит меня, и

я его люблю. Никаких других женщин у него нет. Он просто очень много работает, особенно сейчас, после кризиса.

– Наташенька, солнце мое, перестань, ну ты же большая девочка, – сострадательно вздохнула Ольга.

Наташа чувствовала, как текут по щекам слезы, понимала, что надо повесить трубку, прекратить этот гадкий разговор. Все неправда. Они с Саней любят друг друга, у них растет Димыч, летом они обязательно отправятся на Кипр отдыхать. Именно для того, чтобы была у них такая возможность, Саня пропадает вечерами, бегают как угорелый, и вовсе не по бабам, а пытается найти заказчиков, заработать деньги. И заработает, он везучий. Они найдут хорошую няню, Димыч подрастет. Целая жизнь впереди. Что же она так раскисла? Наверное, просто устала.

– Ой, прости, Димыч проснулся, я тебе перезвоню завтра утром. – Наташа положила трубку.

Димыч спал спокойно, крепко. Она поправила одеяльце, провела ладонью по теплой круглой щечке, наклонилась, осторожно поцеловала высокий выпуклый лобик.

– Ерунда все это, Димыч, – прошептала она, – папа у нас с тобой самый лучший. Мы не будем больше эти глупости слушать. Ольгу бросил муж, и теперь ей кажется, будто все мужчины мерзавцы. А это неправда. Нельзя жить, если никому не веришь и никого не любишь.

Она шептала все это вслух спящему ребенку. Больше ей не с кем было поговорить, а одиночества Наташа не терпела. Все, что происходило в ее душе, все, о чем она думала, ей надо было срочно кому-то выложить, высказать до доньшка. Сейчас, после разговора с Ольгой, у нее было такое чувство, словно она подошла на цыпочках к краю черной пропасти, заглянула и отшатнулась прочь. Там, в этой пропасти, никто никого не любит, не понимает, все злые, подлые, безобразные, тухлые какие-то. Как зомби в ужастике.

Наташа сладко зевнула, отправилась в ванную умываться. Глаза слипались. Оказывается, уже третий час. А Сани все нет. Теперь она уже не думала о длинноногих фуриях. Она просто волновалась. Раньше, если Саня задерживался, она всегда могла позвонить ему на мобильный. Но сейчас он им почти не пользовался из экономии, включал очень редко. Не надеясь услышать ответ, она все-таки набрала номер.

* * *

Во дворе взорвалась еще одна петарда, далекий хлопок отозвался в голове слабым эхом. Саня вскрикнул во сне, сон ему снился какой-то жуткий, как будто он повис в шахте старого лифта, вцепился пальцами в серую сетку, сил нет держаться, проволока режет кожу, руки кровоточат, внизу чернота, бетонный пол, а сверху медленно движется лифт. Этот кошмар часто снился ему в детстве, особенно во время болезни, при высокой температуре.

От хлопка он не проснулся, хотя надо было открыть глаза, выйти из кошмара. Темная громадина лифта наплывала сверху, была все ближе, но тут, к счастью, мелодично затрещал будильник. Почему-то он лежал за пазухой. Саня разлепил наконец отяжелевшие веки.

Сначала он видел только пятна, светлые и темные. Что-то случилось со зрением, он напрягал глаза, однако все расплывалось, словно он смотрел сквозь грязное мутное стекло. Он поморгал, приподнялся на локте, обнаружил, что лежит на очень жесткой холодной поверхности. Выкарабкиваясь из тяжелого сна, он был уверен, что находится у себя дома, в своей кровати. Оказывается, он спал на грязном кафельном полу.

– Наташа, – позвал он жену и не услышал собственного голоса, к тому же во рту было так сухо, что язык прилипал к нёбу.

Мелодичное треньканье все не затихало. Саня приподнялся, огляделся, и тут до него наконец дошло, что лежит он вовсе не дома, а в каком-то незнакомом подъезде, грязном, воню-

чем. На нем его дубленка, насквозь мокрая, а во внутреннем кармане надывается радиотелефон.

– Саня, где ты? – услышал он голос жены и немного успокоился.

– Не знаю, – ответил он вполне искренне, – подожди, сейчас попытаюсь понять.

Для того чтобы встать, ему пришлось опереться рукой о мокрый пол. Ладонь скользнула, оттолкнув какой-то холодный металлический предмет. Предмет проехал по полу и глухо стукнулся о стену. Саня опять повалился на бок. Мало того, что почти ослеп, еще и голова кружилась.

– Наташка, мне плохо.

– Ты что, напился? Ты знаешь, который час?

– Понятия не имею.

– Половина третьего. Бери такси и сейчас же домой!

– Я не могу встать. Я ничего не вижу.

Рядом послышался приглушенный гул и грохот. По звуку Саня понял, что кто-то вызвал лифт. А через секунду раздался отчаянный собачий лай, и тут же жалобный тревожный скулеж, словно собака чего-то испугалась. Одновременно прозвучал женский крик. Двери лифта шумно закрылись.

– О господи! Помогите! Кто-нибудь! Ой, мамочки, сколько крови!

– Саня, там кто-то кричит, – выдохнула Наталья в трубку, – объясни мне, что происходит.

Собака продолжала скулить и лаять. Ее хозяйка больше не произнесла ни слова, было слышно, как она бросилась вместе с псом вверх по лестнице, не дожидаясь, пока опять откроются автоматические двери лифта.

Где-то рядом щелкнул замок. Начальственный мужской голос произнес:

– В чем дело?

Саня опять попробовал встать, но головокружение усилилось. Горло стиснул спазм. Саня старался сдержаться, но не смог. Его вырвало. Телефон он успел отключить и сразу отключился сам. Был это глубокий обморок или тяжелый сон, Саня так и не понял. Очнулся он оттого, что кто-то сильно и грубо поднял его, а точнее, вздернул вверх, за локти.

– Давай, давай, сейчас ты у нас быстро очухаешься. Ну, открывай глаза. Документы есть у тебя?

– Да он же в полном отрубе, нажрался, как свинья. Тьфу ты, весь облеваный, обыскивать противно.

– Смотри-ка, одет хорошо, сотовый у него.

«Грабители... – пронеслось в мозгу сквозь тяжелую муть, – не меньше трех, судя по голосам... Куда они меня тащат?»

Он заставил себя открыть глаза. Зрение почти восстановилось. Сначала он увидел прямо перед собой серый милицкий китель, потом молодое гладкое лицо.

– Все, товарищ капитан, очухался он, глаза открыл.

Саня тупо, растерянно огляделся. Подъезд чужой, однако знакомый. Он вдруг ясно понял, что бывал здесь раньше.

– Я знаю этого человека, – тихо произнес у его уха пожилой женский голос, – это Анисимов Александр Яковлевич, семидесятого года рождения. Он дважды угрожал моему сыну, сначала по телефону, потом у нас дома.

Саня повернулся и тут же узнал женщину. Старый махровый халат был накинут поверх ночной рубашки. Жидкие седые волосы заплетены в две тоненькие косицы.

– Добрый вечер, Елена Петровна, – ошалело произнес Саня и заметил, какое странное у нее лицо. Не просто бледное, а почти синее.

– Убийца, – прошептала она в ответ, едва шевеля губами, – из-за денег, из-за паршивых долларов... будь ты проклят! – Она покачнулась, глаза закатились, изо рта вырвался короткий

хрип. Кто-то подхватил ее, появилась фигура в зеленом комбинезоне с большими красными буквами «Скорая помощь».

– Подождите, Елена Петровна, что произошло? – Саня судорожно сглотнул, больше всего он боялся, что сейчас его опять вырвет. В лицо била нестерпимая кислая вонь. Так плохо, так стыдно и страшно ему еще никогда в жизни не было. Милиционеры потащили его на улицу. Там, под ярким фонарем, остановились на несколько минут. Двое санитаров вынесли из подъезда носилки.

– Знаешь этого человека? – быстро спросил милиционер, указывая на труп.

– Нет, – прошептал Саня и отвернулся. Глядеть на мертвое лицо, на большую аккуратную дырку в виске, обведенную черной пороховой каймой, было невозможно.

– Смотри! – приказал милиционер. – Смотри внимательно. Твоя работа. Ты знаешь его. Ну?!

– Это Бутейко Артем Вячеславович, – выдавил Саня очень медленно, почти по слогам.

– Молодец, – одобрительно кивнул милиционер, – а этот предмет тебе знаком?

В целлофановом мешке лежал пистолет. Не узнать его Саня не мог. Это был его новенький шестизарядный «вальтер», приобретенный этим летом сдуру, по случаю, у какого-то пройдохи. Разумеется, никакой лицензии на него не имелось, однако Саня не поленился заказать гравировку на рукояти, собственные инициалы «А.А.Я.».

Глава 2

Улица Святой Екатерины пересекает огромный Монреаль, проходит его насквозь, тянется через центр, через богатые и нищие кварталы. Учитывая свой топографический идиотизм, Елизавета Павловна Беляева решила просто пройти по этой улице, никуда не сворачивая. Тогда меньше шансов заблудиться.

Времени у нее было совсем мало. К половине девятого она должна была вернуться в гостиницу, переодеться к банкету, привести себя в порядок. Следующие пять дней конференции заполнены заседаниями, встречами, тематическими дискуссиями, ленчами, бранчами с раннего утра до позднего вечера. Только сегодня вторая половина дня по официальному расписанию отведена «экскурсиям и отдыху».

Елизавета Павловна постаралась быстрее миновать огромное гостиничное фойе, опасаясь наткнуться на кого-нибудь из знакомых, увязнуть в разговоре, потерять драгоценное время. Она так долго ждала этих нескольких часов свободы и одиночества, что даже нервничала немного, как будто собралась на важное свидание.

Она уже прошла мимо стойки администрации, перед ней разъехались стеклянные двери, и тут из-за широкой спины охранника на нее выскочил бойкий молодой человек, член российской делегации, сотрудник какого-то пестрого модного журнала, представитель Фонда культуры, в вишневом полувоенном френче и лиловых брюках с шелковыми лампасами, точно таких, как у гостиничного лакея. Как его зовут, Елизавета Павловна не помнила, плохо представляла себе, каким образом ему удалось попасть на конференцию, однако знала, что он монархист, вроде бы потомок какого-то княжеского рода. Он относился к типу «попрыгунчиков», болтал без умолку, стараясь застрять в памяти, приставал с какими-то проектами, предложениями, хватал за пуговицу, тряс, тормозил, требуя внимания или хотя бы вежливого мычания.

– Приветствую вас, очаровательная Елизавета Павловна, как хорошо, что я вас встретил, вы потрясающе выглядите сегодня, черный цвет вам удивительно к лицу. Вы знаете, я давно хотел поговорить с вами насчет одного проекта, ну, вы, наверное, помните, недавно была скандальная публикация в нашем журнале об интеллектуальной собственности и авторских правах.

– Да-да, конечно, простите, я очень спешу, – пробормотала Лиза, автоматически пытаюсь вспомнить, как зовут молодого человека и как называется журнал.

– Я понимаю, но это всего лишь три минуты. Вы в город? Позвольте, я немного провожу вас?

– Нет! Ни в коем случае! – выпалила Лиза так резко, что у молодого человека округлились глаза.

– Ну, извините... – растерянно пробормотал он ей вслед.

Она помчалась прочь от гостиницы, лавируя между машинами на автостоянке, заметила в зеркальных окнах белого «Линкольна» свое бледное и почему-то ужасно испуганное лицо и тут же подумала, что ведет себя глупо, несолидно, как девчонка, сбегающая с урока. Остановилась, спокойно поправила волосы. На миг рядом с ее отражением возникла в стекле знакомая физиономия. Представитель МИДа Анатолий Красавченко прикуривал на ветру и вроде бы ее не заметил.

У нее еще с юности выработалась дурацкая привычка ходить очень быстро, нестись сломя голову, даже если некуда спешить. И сейчас она заметила, что продолжает мчаться деловитой походкой, вместо того чтобы расслабиться и просто погулять.

Неподалеку от гостиницы возвышался открыточно-красивый собор Святой Екатерины, выстроенный в начале этого века с претензией на раннюю готику. Башни его виднелись из окна Лизино номера, и еще сегодня утром, поднимая жалюзи, она подумала, что непременно

надо в этот знаменитый собор зайти. Она попыталась сосредоточиться на тонких, вздернутых в бледное небо башнях, запрокинув голову, принялась разглядывать живописные каменные складки одежды святой Екатерины, заметила, как тщательно выточены вздутые жилы на изогнутой шее Святого Марка, как гармонично расположены скульптуры и до чего натурально выглядит босая зеленоватая ступня святого Фомы. Каждый ноготь отделан с анатомической дотошностью, и, наверное, это должно очень впечатлять.

Из собора был слышен мягкий тяжелый звук органной фуги Баха. Лиза приоткрыла медную дверь, мельком заметив, что благородный зеленоватый оттенок нанесен на медь искусственно.

В соборе было пусто. Фуга лилась из динамика. Маленький пожилой горбун в темной ковбойке обрабатывал бесшумным пылесосом вишневую ковровую дорожку между рядами скамей. Лиза постояла несколько минут, глядя на фрески, на стеклянную мозаику потолка с хитрой радужной подсветкой. Гибкий хобот пылесоса энергично подрагивал в руках горбуна, и в том же ритме подрагивал седенький, перетянутый черной резинкой хвостик на его тощем затылке. Когда горбун приблизился, Лиза расслышала, как он напевает под нос что-то о хорошей пинте пива и красоте Мери. Хобот пылесоса подполз к ее ногам. Круглый тусклый глаз горбуна сердито скользнул по лицу. Жарко, упруго ударила в солнечное сплетение волна последних аккордов органной фуги. Лиза тихо вышла.

Всего за несколько минут небо успело затянуться, поднялся ветер, посыпал мелкий сухой снег. Она поправила шарф и побрела медленно, почти спокойно. В легкой ряби снегопада город стал нежнее и таинственней. Немного закружилась голова от ветра и мелькания острых частых снежинок.

Взглянув на часы, Лиза обнаружила, что осталось всего два с половиной часа до конца прогулки, и нырнула в огромный торговый центр, целый подземный город, побродила по нескольким дорогим бутикам готовой одежды. Она хотела купить себе пару блузок под деловой костюм и довольно долго перебирала всякие кофточки, продвигая по кругу вешалку.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, мэм? – опомнилась молоденькая продавщица, скучавшая у примерочной.

– Спасибо, я сама.

– Вы ищете что-то конкретное? – Девушка уже вошла в роль, предписанную инструкцией по обслуживанию покупателей, и теперь не собиралась отступать.

– В общем, нет, ничего конкретного, – пробормотала Лиза, переходя от блузок к брюкам, – я пока сама не знаю.

– Посмотрите вот эту модель. У вас голубые глаза, сиреневый оттенок вам очень к лицу. Получается неожиданный эффект, глаза становятся как фиалки. Повернитесь к зеркалу. – Продавщица ловко приложила к Лизе нечто плюшевое, кургузенькое, туго приталенное, с воротником «собачьи уши». – Если к этому подобрать темно-лиловые эластичные брюки клеш, будет просто великолепно.

– Великолепно, – кивнула Лиза, – но не по возрасту. Лет пятнадцать назад я бы, наверное, решила это надеть.

– Да что вы, мэм, вам ли беспокоиться о возрасте? – Девушка сладко прищурилась. – К этому комплекту есть еще замшевый жилет, если вы купите три вещи, мы сделаем значительную скидку.

Лиза почти сдалась, даже вошла в примерочную, задернула шторы и стала примерять комплект.

Из зеркала на нее глядела, хлопая сверкающими фиалковыми глазами, незнакомая молодая женщина, восторженно-глупая, очень хорошенькая. Светлые пепельно-русые волосы слегка растрепались. Высокие скулы порозовели, рот сам собой растягивался в идиотской улыбке.

Лиловый комплект и правда выглядел великолепно. Эластичные брюки плотно обтягивали бедра. Такие соблазнительные клешы носили все секретарши директора канала, куколки не старше двадцати пяти. Директор менял их ежемесячно, за блондинкой следовала брюнетка, потом была рыженькая Нелли, потом пепельная Лада. И каждая щеголяла в эластичных брючках, тугих, как балетное трико, соблазнительных, как шоколадная глазурь.

Лиза представила выражение лиц своих коллег, когда она заявится в «Останкино» в таком откровенном девичьем «прикиде», и усмехнулась. Нарботанный годами имидж серьезной, строгой, неприступной умницы, милого, обаятельного, но почти бесполого существа, может разрушиться за несколько дней. Шаг вправо, шаг влево считается побегом. Стрелять начнут без предупреждения. Слухи, сплетни, двусмысленные намеки засвистят, как снаряды при артобстреле.

Дважды в неделю Елизавета Павловна Беляева сообщала миллионам телезрителей политические новости, в основном тревожные и безрадостные. Но ее простые, ясные, чуть ироничные комментарии утешали, снимали напряжение. После ее программ у зрителя не возникало привычного чувства, что он живет в дерьме и завтра будет конец света. Дело было не в новостях, не в информации, а в том, кто и как все это излагал и комментировал.

Лицо Лизы Беляевой относилось к тому типу, который принято называть «актерским». Из такого лица можно сделать что угодно – классическую благородную красавицу, вульгарную женщину-вамп, строгую профессоршу, уютную добропорядочную мать семейства. Впрочем, она была очень красивой без всяких усилий.

Лизе хватило ума с самого начала не поддаться соблазну быстрого шаблонного успеха. Пять лет назад, перед первым своим появлением на экране в качестве ведущей теленовостей, она отказалась от стандартного макияжа, заявив, что не желает стать очередной «мордашкой». Это было настолько не по-женски, что никто ее тогда не понял. Никто, кроме телезрителей.

С тех пор она ни разу не появлялась на экране в виде выхоленной, вылизанной фотомодели, которая подавляет своей успешностью и за которой просматривается совершенно определенный видеоряд: норковые шубы, «Мерседесы», недоступные простым смертным роскошные тусовки, массажи, тренажеры, отдых на Канарах. Она оставалась женщиной из толпы, умной, спокойной, надежной собеседницей миллионов. Собеседницей, а не телезвездой. И за это ее любили, этим она отличалась от своих блестящих коллег.

– Потрясающе! Брюки сидят идеально! – заворковала продавщица, и к ней на помощь пришли еще две из соседнего отдела. – Мэм, поверьте, этот комплект просто создан для вас. Остается только подобрать туфли на «платформе», сумочку и шейный платок.

Все это было моментально доставлено.

Лиза покорно сунула ногу в лиловый замшевый башмак на полуметровой копытообразной «платформе», но опомнилась, нырнула назад, в примерочную, решительно задернула шторы, стянула с себя лилово-фиалковую роскошь и вернула прежний строгий дамский облик – серый гладкий пуловер, серые свободные брюки, черный шарф, черное французское пальто.

Находчивые продавщицы тут же предложили ей классический темно-синий костюм, вечернее платье, шелковую брючную тройку, полдюжины блузок и пуловеров. Лиза, утопая в ворохе вещей, почти сдалась, готова была купить что-нибудь просто из вежливости, но строго сказала себе, что вежливость здесь ни при чем. Ее всего лишь профессионально обрабатывают.

Продавщицы никак не могли успокоиться. Психологическая атака ослабла лишь тогда, когда в бутик вплыла новая потенциальная жертва, дама лет пятидесяти в норковой шубе до пят. Лиза ускользнула налегке и мысленно похвалила себя за то, что не поддавалась соблазну потратить кучу денег на вещи, которые, в общем, ей совсем не нужны и ни капельки не нравятся.

В антикварной лавке она выбрала для мужа крошечную шкатулку-шарманку с механическим заводом. Из расписной деревянной коробочки звучала мелодия вальса Штрауса. В отделе игрушек она купила коллекционного английского медведя для дочери и «страшилку» – резиновый бычий пузырь с плавающими внутри черепами и костями – для сына (шестнадцатилетний Витя, как всегда, конкретней всех объяснил, чего он хочет, как будто заранее присмотрел себе подарок).

У нее остался всего час. Она перекусила в маленьком кафе внутри торгового центра, вышла на улицу, но вовсе не на ту, которая носила имя святой Екатерины. Уже стемнело. Несколько минут пришлось разбираться по карте, останавливать прохожих. Наконец она вроде бы поняла, как попасть к гостинице, но на самом деле пошла в другую сторону.

Разноцветные огни витрин и рекламы сменились мертвенно-белым ослепительным фонарным светом. Было светло, как в мясной лавке. Прямо на тротуаре, покрытом слоем снега, сидели какие-то пестрые панки, металлисты, вдоль грязных витрин выстроились озябшие мрачные проститутки обоего пола.

– Леди, я сегодня дешевый, – грустно сообщил, преграждая ей путь, нарумяненный пожилой юноша в клетчатых красных рейтузах и розовой кожаной курточке до пояса.

Приторный запах дешевых духов и восточных благовоний ударил в ноздри так, что выступили слезы. Спросить дорогу было не у кого, ни одной таблички с названием улицы Лиза не видела. Она повернула назад, ускорила шаг, почти побежала.

– Если вы предпочитаете девушек... – чернокожая толстуха с вытравленными до лимонной желтизны волосами тронула ее за рукав.

– Новое эротическое шоу, очень оригинальное, только сегодня специальные скидки...

– Леди, традиционный мужской стриптиз, пять исполнителей по цене одного!

Она уже бежала, глядя прямо перед собой, не разбирая пути, а грязный квартал все не кончался. Из-за угла выскочили два одинаковых бритоголовых парня в военных шинелях и преградили дорогу. Шинели распахнулись, под ними были голые тела.

– Специальная скидка, только для вас, пятьдесят за обоих за два часа, семьдесят за ночь! Леди, ночь с нами обоими, всего за семьдесят долларов, останетесь довольны! – сообщили они хором, с одинаковыми щербатыми улыбками.

Лиза почувствовала, как медленно, тяжело сгущается вокруг воздух. Толпа сказочных уродов обступила ее со всех сторон, и выхода не было, разве только оторвать подошвы от асфальта и взлететь.

Она шарахнулась в сторону от парочки в шинелях и увидела просвет между домами, дальше тянулся темный безлюдный переулок, но бежать туда не рискнула, панически заметалась, пытаясь сообразить, куда разумней драпать, вперед или назад. Помчалась вперед и вдруг услышала собственный негромкий сдавленный крик. Кто-то схватил ее за плечи, остановил, держал очень крепко и не давал вырваться.

– Елизавета Павловна, что с вами? Успокойтесь!

Она не сразу сообразила, что говорят с ней по-русски и обращаются по имени-отчеству.

– Удивительно, как вы умудрились из всех кварталов выбрать именно этот, самый опасный и непристойный. Он ведь единственный на весь Монреаль.

Она наконец успокоилась. Перед ней был Красавченко, сотрудник МИДа, милый, добрый, замечательный Красавченко. Настоящий дипломат с аккуратным седым «бобриком», мягкой улыбкой и всепонимающими глазами.

– Анатолий Григорьевич, я заблудилась... – забормотала она, вцепившись в его руку.

– Ну, все, все, мы уже вышли из неприличного квартала. Не нервничайте так. У вас что, карты нет?

– Есть. Но у меня с детства топографический идиотизм, к тому же здесь сбиты таблички с названиями улиц. Наверное, мы уже опаздываем на банкет? Вы знаете, как добраться до нашей гостиницы?

– Разумеется, знаю. Я наизусть знаю этот город, пять лет проработал в посольстве. На самом деле гостиница совсем близко, минут десять ходьбы. Так что, если не возражаете, давайте зайдем в кафе. У нас есть время. Вам надо отдышаться, спокойно выпить чашку кофе. Вот здесь отличная французская кондитерская.

Сразу за порнокварталом начались богатые, благопристойные улицы, где шла обычная городская жизнь.

– Место, куда вы попали, – что-то вроде резервации для наркоманов, дешевого порно и прочих прелестей, – объяснил Красавченко. – Каким же ветром вас туда занесло, Елизавета Павловна?

«А вас?» – мелькнуло в голове у Лизы, но спрашивать она не стала.

В маленькой французской кондитерской не было ни души. Розовый окрас стен, стеклянные низкие столики, мягкие цветастые диваны и кресла. В центре – многоярусный фонтанчик с разноцветными радужными струйками, бьющими из огромного фарфорового апельсина.

– Сейчас пройдет шок, и вы станете активно думать, как их всех спасти, этих падших личностей. Из ублюдков-агрессоров они превратятся для вас в невинных жертв социальной несправедливости. – Красавченко усмехнулся и притронулся к ее руке. – Здесь чудесные пирожные. Вы любите сладкое?

– О том, как их спасти, я думать не буду. И сладкое не люблю, – проворчала Лиза.

– Это грустно.

– Что именно?

– И то и другое. Ну, от фруктового салата и чашки кофе-«капучино» вы ведь не откажетесь?

Красавченко снял с нее пальто, при этом легко и откровенно провел пальцами по ее шее, как бы поправляя ей волосы на затылке.

«Это что-то новенькое, – удивленно заметила Лиза, – откуда такая фамильярность? С какой стати?»

Пальцы у нее были ледяные. Глаза тоже. Вообще, когда шок действительно прошел, она разглядела, что не такой уж он милый и добрый. А в самом деле, как же ему удалось оказаться в нужном месте в нужное время? Он что, шел поразвлечься с дешевыми проститутками? Или решил побаловаться марихуаной? Ведь не мог же заблудиться, сам сказал, что отлично знает город. Стало быть, он следил за ней? Ерунда какая-то.

Лиза удобно устроилась на мягком диване, еле сдержалась, чтобы не скинуть сапоги и не поджать ноги. Красавченко уселся напротив, в кресло.

– Я вас заметил в торговом центре, в отделе игрушек. Хотел подойти, но у меня есть принцип: не трогать женщину, которая делает покупки. А потом вы пошли так быстро, почти побежали.

«Я шла медленно. Я долго стояла, тупо пытаюсь разобраться в карте. Я обращалась к прохожим...» – заметила про себя Лиза.

– Вы побежали, а у меня одышка. Все пытаюсь бросить курить, – продолжал Красавченко, – я ведь давно хотел познакомиться с вами поближе. Но не было формального повода.

Фруктовый салат украшала затейливая розочка из взбитых сливок. Кофе был с легким привкусом ванили. Красавченко ковырнул ложкой свое пирожное, многослойную конструкцию из желе и суфле, но есть не стал, залпом выпил минералку и тут же закурил. Лиза подумала, что сладкого он тоже не любит, и с удовольствием принялась за свой салат.

Она ела не спеша, прихлебывала кофе, он смотрел на нее пристально, не моргая. Да, она уже заметила, что он хочет познакомиться поближе, только не могла понять зачем. Неприятно было то, что он разыгрывал перед ней спектакль. Изображал настойчивый мужской интерес. Все выглядело вполне натурально. Чересчур натурально. Ей было слишком много лет, чтобы обмануться в таких вещах. Она прекрасно знала, как смотрит мужчина, который в самом деле влюблен.

Господин Красавченко старательно пялился на нее. Раздевал взглядом, ощупывал и при этом многозначительно облизывал губы. Казалось, в его бледно-зеленых, чуть прищуренных глазах были дополнительные железы, которые активно вырабатывали сало. Наглый сальный взгляд. Пародия на влюбленность. Человек с пластмассовым лицом, очень похожий на дипломата, но не настоящего, а из мексиканской «мыльной оперы». И даже запах его хорошего одеколона отдавал дешевеньким мыльным духом.

– Находить формальные и неформальные поводы для более близкого знакомства – это азбука вашей профессии, – улыбнулась Лиза, покончив с салатом и закуривая, – на то вы и дипломат, чтобы легко общаться даже с теми, кто не хочет с вами общаться.

– И не скрывает этого, – добавил Красавченко, многозначительно улыбнувшись. Но тут же его лицо стало лирически-серьезным. Он перевел взгляд с ее губ на шею, и даже сглотнул при этом, и даже протянул руку, поправил выбившуюся прядь. – Вам очень идет такая прическа, Лиза, – он резко убрал руку и немного покраснел.

«Вот у кого надо учиться властвовать собой, – подумала Лиза, наблюдая мастерски выразительную мимику дипломата, – будь я лет на пятнадцать моложе, поверила бы. А сейчас – фигушки».

– Анатолий Григорьевич, у вас неудачное пирожное? Вы совсем не едите.

– Все на вас смотрю, Елизавета Павловна. Пытаюсь понять, в чем секрет. И кажется, почти понимаю. Не в том дело, что вы красивы, умны, успешны, хотя это тоже важно. Вы излучаете здоровую энергию. Свет и тепло. Знаете, одни поедают энергию собеседника, другие, наоборот, щедро заряжают всех страждущих. Вот вы заряжаете. Отдаете. Вам этого никто не говорил?

«Ну, ты, батенька, загнул, – весело подумала Лиза, – идешь напролом. Любопытно бы узнать, что тебе на самом деле от меня нужно?»

– Спасибо, Анатолий Григорьевич. Мне редко говорят комплименты.

– Это не комплимент. Скорее предостережение.

– Почему?

– Отдавая энергию, вы ее теряете. Вам надо как-то восстанавливаться, заряжаться. Есть много разных способов. Музыка, свежий воздух, спорт, секс. Впрочем, на все это у вас, вероятно, нет времени. Я знаю, как много вы работаете.

– Да, конечно, – рассеянно кивнула Лиза.

– И все-таки заряжаться надо.

– Я слушаю классическую музыку. Иногда катаюсь на горных лыжах.

– Этого мало, – он улыбнулся и откровенно облизнул губы.

«Дурак и пошляк», – устало прокомментировала Лиза.

– Кстати, насчет личной жизни, спорта, музыки и всяких увлечений, – продолжал Красавченко, – мой хороший знакомый, корреспондент голландского журнала «Фольксгарден», просил меня поговорить с вами о возможности интервью. Он пожилой человек, вполне интеллигентный. Его зовут Давид Барт. Он отнимет у вас не больше тридцати минут.

– Очень интересно, – Лиза натянуто улыбнулась, – он разве не может просто подойти ко мне в фойе, в перерыве? Я только и делаю, что даю интервью.

– Вы отвечаете на вопросы, касающиеся конференции, а он хочет поговорить с вами о другом. Его интересуют вы как личность, как женщина, если хотите...

– А если не хочу?

Лизу стал всерьез раздражать этот двусмысленный игривый тон.

– Ну, простите, возможно, я неудачно выразился. Хотя не вижу в этом ничего обидного. В общем, моему голландцу нужен неспешный, теплый, доверительный разговор. К тому же у него нет аккредитации. А вы сами знаете, как свирепствует сейчас охрана из-за сербов и арабов.

– Я не отвечаю на вопросы, касающиеся моей личной жизни, – быстро проговорила Лиза.

– Елизавета Павловна, но это невозможно. – Красавченко удивленно поднял брови. – Вы простите меня, но для человека вашего уровня это выглядит глупо, по-детски. Вы все равно никуда не денетесь от этих вопросов. По статусу вам положено участвовать хотя бы изредка в разных ток-шоу, давать интервью именно на эту тему. Вы ведь умная женщина, вы понимаете, что, если ваша личная жизнь станет тайной за семью печатями, начнут складываться мифы. О вас такое придумают, что мало не покажется.

– Анатолий Григорьевич, мне совершенно безразлично, что обо мне сочиняют. Но я вправе не принимать личного участия в мифотворчестве о своей скромной персоне.

– Ну вот, у вас стало совсем другое лицо, – Красавченко тяжело вздохнул, – только что от вас исходило тепло, свет, а сейчас – брр... так холодно, лед в глазах, лед в голосе. Кто-то из журналистской братии вас сильно обидел?

Несколько секунд она молчала и вдруг весело рассмеялась.

– Я похожа на самоубийцу?

– Нет... Что вы имеете в виду? – На ее смех он ответил вежливой, недоуменной улыбкой.

– Обижаться на средства массовой информации, воспринимать их выпады всерьез – это медленный, но верный суицид. Такие вещи кончаются инфарктами, инсультами.

– Ну, тогда я тем более не понимаю, почему вы не хотите дать интервью голландскому корреспонденту.

– Потому что именно из таких вот теплых доверительных разговоров и производятся мифы, дурно влияющие на общественное мнение. Особенно если интервью выйдет в свет на таком экзотическом языке, как голландский, в двойном переводе. Не исключено, что найдется какая-нибудь желтая газетенка, которая потом переврет мои слова как угодно. А если я вдруг не выдержу и подам в суд, то ответчик может сослаться на неточность перевода.

– Да, Елизавета Павловна, я слышал о вашей осторожности, но не предполагал ее масштабов, – Красавченко покачал головой. – Даже для меня, матерого дипломата, это слишком. Ну, хорошо, а если я дам вам гарантию, что ни одной опасной темы голландец не затронет?

– В таком случае он не профессиональный репортер.

– Как раз наоборот, он настоящий профессионал. То есть он может интересно подать любую информацию, не обязательно скандальную.

– Для того чтобы любая, самая безобидная информация заинтересовала публику, в ней должно содержаться нечто скандальное или хотя бы скабрзное. Это, к сожалению, закон жанра. Анатолий Григорьевич, вам это очень нужно? – Она улыбнулась мягко, доверительно. Именно это ей больше всего хотелось узнать: чего на самом деле хочет от нее дипломат с пластмассовым лицом? Она совершенно не опасалась давать интервью. Одним корреспондентом больше, одним меньше – неважно.

– Можно вашу сигарету? Пытаюсь бросить курить, мои кончились, и вот стреляю. – Он продолжал улыбаться, но глаза стали напряженными, колючими.

«Так-то, Анатолий Григорьевич, еще неизвестно, кто кого прощупывает в этом разговоре, – подумала Лиза, – теперь я дам вам шанс мягко уйти от неприятной темы. Поглядим, захотите ли вы к ней вернуться?»

– Пожалуйста, – она протянула ему пачку, – но так вам никогда не удастся бросить. Скоро вам станет неловко стрелять чужие сигареты, вы опять начнете покупать свои.

– Почему вы так думаете?

– Сама проходила. Бросить курить можно тогда, когда точно знаешь, что это лично для тебя более вредно, чем питаться жирным мясом, макаронами с кетчупом, гамбургерами, сосисками, запивая все это пивом или кока-колой и дыша выхлопными газами.

– А, я все понял. Вы потому так отлично выглядите, что не едите всего, что перечислили?

– Правильно, – кивнула Лиза, – но я курю и дышу выхлопными газами.

– Жалко, с нами нет сейчас Давида Барта с диктофоном. Он будет звонить мне завтра утром, а я так и не знаю, что же ответить.

– Вы не объяснили мне, зачем это лично вам нужно? – напомнила Лиза. – Почему вы так долго и серьезно уговариваете меня встретиться с этим голландцем? Он ваш близкий друг? Родственник? Он обещал вам какую-то ответную услугу?

– Да, о вашей жесткости я тоже слышан, – пробормотал Красавченко. – Нет, Давид Барт мне не друг, не родственник, и никаких ответных услуг я от него не жду. Все проще. Все на уровне приятельского трепка. Я обещал уговорить вас. Люблю выполнять обещания. Даже те, которые даны на уровне трепка.

– Даже те, которые даны за другого человека?

– Ну ладно, я поступил опрометчиво. Не думал, что для вас это так серьезно.

– Да, для меня это серьезно. – Лиза встала. – Наверное, нам пора в гостиницу, Анатолий Григорьевич.

– Жаль. Очень жаль. Ну, на «нет» и суда нет. Отказаться от интервью – ваше право.

Помогая ей надеть пальто, он ненароком потерял щекой о ее волосы.

* * *

– Мне нужно сделать анализ крови! Меня чем-то накачали! Время идет, вещество может рассосаться! Не останется следов! Я не убивал, меня подставили! Я должен позвонить жене! – Пока его везли в милицейской машине, Саня упрямо, как сумасшедший на митинге, выкрикивал эти фразы, но не получал никакого ответа, кроме «Заткнись, не ори!».

Потом безнадежно, еле слышно нашептывал, как молитву, что по закону ему положен адвокат, что стрелять он не умеет, а даже если бы умел, то был без сознания, и вообще он понятия не имеет, как оказался в чужом подъезде. Он и адреса убитого точно не помнит, а записной книжки при нем не было, и вообще какого черта его понесло бы глубокой ночью куда-то, кроме собственного дома?

Самое скверное, что он действительно ничего не мог вспомнить. Весь прожитый день тонул в какой-то мучительной мути. Если утро еще кое-как высвечивалось, раскладывалось на детали, то вечер терялся вовсе. Он сумел вспомнить, что утром был у него телефонный разговор с Вовой Мухиным, причем разговор странный, неожиданный, важный, и вроде бы это имело отношение к вечеру, но о чем они говорили, Саня забыл напрочь, и с дальнейшими событиями телефонная беседа никак не сплеталась. Он старался проследить мысленно весь прожитый день, час за часом, и не мог. Это вызывало у него потную липкую панику. Оттого, что вспомнить было необходимо, события все стремительней путались в голове.

Такое однажды случилось. В институте на третьем курсе во время зимней сессии он умудрился получить «неуд» на экзамене по физике, хотя был готов и отлично знал ответы на оба вопроса в билете. Он легко и быстро набросал план, не дожидаясь вызова, отправился отвечать. Но стоило ему оказаться у стола экзаменатора, и что-то произошло. Он молчал как рыба. Он забыл все, вообще все. Мучительно пытался выдумать первую фразу или хотя бы слово, с которого можно начать, но не мог, как будто вообще разучился говорить по-русски.

Позже ему объяснили: такое бывает. Даже существует специальное понятие в психологии – экзаменационный ступор. У совершенно здорового человека от усталости и нервного перенапряжения что-то там срабатывает в мозгу или, наоборот, не срабатывает. В общем, гипо-

функция памяти связана с диффузной задержкой мысли. Это он сам прочитал в дореволюционном учебнике психиатрии, который валялся у бабушки в глубине книжного шкафа. Прочитал и успокоился, понял, что он пока еще не псих. Экзамен пересдал на «отлично».

Но сейчас не экзамен. Забывчивость чревата не лишением стипендии, а лишением свободы, что, собственно, уже и произошло. Дальше будет только хуже.

Сначала его привезли в районное отделение милиции. В «телевизоре», в прозрачном зарешеченном загончике для задержанных, соседями его оказались шальные, накачанные наркотиками подростки, парочка тихих бомжей и какой-то совсем бешеный пожилой мужик, взятый за изнасилование десятилетней девочки.

Саня забился в угол. Он видел, как шевелятся от вшей волосы у бомжей на головах, видел страшные мутные глаза мужика-насильника, слышал унылую матерщину подростков, и это мешало сосредоточиться, сообразить, что же произошло на самом деле. Он представлял, как мечется сейчас по квартире Наташа, и от этого больно сжималось сердце. Наверное, она обзванивает больницы. Ей диктуют все новые справочные номера, она не успевает записывать, руки у нее дрожат, в глазах горячо от слез. Хорошо, если Димыч спит.

Саня понимал, что надо спокойно и серьезно обдумать свое положение, но мысли его почему-то упрямо убегали прочь из загончика-«телевизора», из вони и ужаса, домой, к жене и сыну. Он так ясно видел, как открывает дверь своей квартиры, как ворчит Наталья, помогая ему снять грязную дубленку, как он залезает в горячую ванну с хвойной пеной, а потом, красный, распаренный, чистый, в теплом махровом халате, пьет крепкий чай на кухне и рассказывает Наталье дикую историю про труп в чужом подъезде.

Мужика-насильника вывели из «телевизора», он завизжал высоким, надрывным голосом, стал упираться ногами и руками, потом завыл, как пес. Вой этот мучительно долго стоял в ушах.

Время шло. На Саню никто не обращал внимания. Он понимал, что с каждой минутой тают его шансы выпутаться. В памяти у него был черный провал. Последнее, что осталось от начала сегодняшнего вечера, были долларовые купюры, рассыпанные по полу. Но где именно он видел это, кому принадлежали деньги, кто находился рядом, Саня вспомнить никак не мог.

В отделение ввалилась толпа дешевых проституток. Продрогшие, с расплывшейся косметикой на лицах, они громко ржали, заигрывали с милиционерами, вели себя так, словно отделение для них дом родной, а задержание – счастливая возможность погреться и отдохнуть.

– Что загрустил, красивый мой? – подмигнула Сане огненно-рыжая румяная толстуха в зеленых кожаных шортах и порванных черных колготках.

Он вдруг вспомнил, с какой брезгливой жалостью поглядывал на этих продрогших дешевых куколок из окна машины, проезжая поздними вечерами по Тверской или по Садовому кольцу, как снисходительно удивлялся их солдатской выдержке. Они ведь почти голышом выстраивались на холоде, под ветром, снегом, дождем, и было приятно на этом печальном фоне ощущать себя в теплой машине, чистеньким, независимым.

Однако сейчас несчастные, истеричные девки во сто крат счастливей его. Их отпустят, ну в крайнем случае, оштрафуют. Им не привыкать. А он застрял надолго и всерьез. Как говорил Артем Бутейко, влип по-черному. Впрочем, сам Артем «влип» еще черней. Он мертв.

Реальность наплывала на Саню вместе с хохотом проституток, нытьем наркоманов, у которых начиналась ломка, мерным храпом бомжей, помятыми лицами милиционеров, предутренней серой суетой районного отделения.

«Я не сумею выкрутиться, – с тоской думал Саня, – пистолет мой. На нем мои отпечатки. Я заснул на месте преступления рядом с трупом. Это называется бытовуха».

Глава 3

– Бытовуха, она, родимая, – со вздохом пробормотал старший следователь следственного отдела окружного УВД Ильи Никитич Бородин, открывая папку со свежим уголовным делом.

То, что в деле нет никаких неясностей, огорчило и даже обидело Илью Никитича. В отличие от большинства своих коллег, он любил запутанные дела. Но если попадались иногда за долгие годы его работы преступления, которые не распутывались с двух-трех ходов, то всегда все упиралось в пошлые унылые мотивы. Деньги. Жилплощадь. Конкуренция в бизнесе.

Что касается преступлений громких, скандальных и до сих пор не раскрытых, то с ними Илье Никитичу работать не приходилось, впрочем, он знал, что и там нет ничего таинственного. Просто больше действующих лиц, больше нулей в денежных суммах, бизнес крупней, а по сути – та же тупая бесстрастная корысть, та же пошлость. Нераскрытыми эти преступления оставались не потому, что были тонко и хитро продуманы, мастерски выполнены, а потому, что их не хотели раскрывать – все по тем же пошлым прагматическим причинам, и это само по себе было преступлением, злодейством. Круг пошлости замыкался.

Ежедневная рутина, горы бумаг, нудные допросы – все это никак не вязалось с теми романтическими представлениями о профессии следователя, которые сложились в душе Бородина в юности. Он прекрасно понимал, что душа его продолжает кормиться глупыми полудетскими иллюзиями, но расставаться с ними не хотелось. Слишком грустно под старость окончательно убедиться, что человек человеку даже не волк (потому что волк – зверь умный и благородный). Человек человеку кирпич, который падает на голову просто так, без всяких мыслей и эмоций.

Когда он принял к производству дело об умышленном убийстве журналиста Артема Бутейко, сердце его возбужденно забилося. Тележурналист. Известная личность. Кого только этот Бутейко не поливал дерьмом.

Перед мысленным взором Ильи Никитича тут же замелькали кадры какой-то ночной программы, встала неприятная физиономия ведущего, который с нескрываемым удовольствием рассказывал о нежной дружбе известнейшего политика с молоденьким солистом рок-группы. А потом еще вспомнились обрывки ток-шоу, в котором этот Бутейко буквально насиловал двусмысленными хамскими вопросами популярного кинорежиссера.

В голове завертелись хитрые версии, одна остроумней другой. Возможно, Бутейко раскопал серьезный компромат или кого-то подставил своей неумеренной наглой болтовней. Или вдруг кто-то наконец оскорбился до глубины души теми гадостями, на которых Бутейко делал карьеру, и решил отомстить, отстоять свою честь, пусть незаконно, но почти благородно. Возможно, убийство это сродни дуэли, как в старые добрые времена, когда оскорбление чести смывалось кровью.

Илья Никитич немного раскраснелся от возбуждения, вытер лоб клетчатым накрахмаленным платком. И тут же поймал насмешливый взгляд дежурного следователя, который передал ему дело к производству.

– Подозреваемый задержан на месте преступления, практически пойман с поличным. Убитый должен был своему приятелю три тысячи баксов, приятель – мелкий бизнесмен, после кризиса разорился, стал требовать у Бутейко вернуть долг, пару раз пригрозил, потом нажрался с горя, подстерег терпилу в подъезде и пальнул в голову в упор. Бытовуха.

Краска радости тут же отхлынула от круглых щек Ильи Никитича, лицо его вытянулось и погрузнело. Он постарался скрыть, как сильно расстроился.

Что делать? Злодейство уныло и дебильно. Вероятно, до пенсии ему так и не встретится достойный противник, преступник-интеллектуал, какой-нибудь современный Родион Раскольников.

Яркие и серьезные чувства – месть, зависть, ревность, любовь, тщеславие, идейная убежденность, либо не существуют вовсе, либо остались где-то в далеком прошлом. Над Бородиным постоянно посмеивались в управлении, называли Пинкертоном и Шерлоком Холмсом. Все знали, что Бородин любит выдумывать загадки там, где их нет.

– Тебе бы романы писать, – хмыкали коллеги, – накручиваешь, чего не бывает. На жизнь надо проще смотреть.

Но Бородину в его солидном возрасте, с его солидным профессиональным опытом, с его мягким пухлым брюшком, седенькими кудрявыми бачками вдоль круглых щек, с его пристрастием к сладкому дрожжевому тесту и фруктовому кефиру, все не хотелось воспринимать жизнь реально, правильно, без всяких романтических иллюзий.

Когда его называли Шерлоком Холмсом, он не возражал, а что касается Пинкертона, то тут Илья Никитич был непримирим. Он начинал подробно и нудно объяснять, что существовало два Пинкертона, оба были порядочными свиньями, и многие их путают.

Аллан Пинкертон, реальный исторический персонаж, родился в 1819 году в Глазго, в семье бедного шотландского полицейского. В юности эмигрировал в Северную Америку, перепробовал множество профессий и наконец в 1850-м открыл детективное агентство. Эмблемой агентства был глаз, девизом – «Мы никогда не спим». Дела сразу пошли вполне успешно.

Во время войны Севера с Югом бессонное агентство Пинкертона занималось за большие деньги разведывательной деятельностью в пользу федерального правительства. После войны, во время экономической депрессии 70-х, агентство обслуживало крупные угольные и железнодорожные компании. Легендированные пинкертоновцы внедрялись в шахтерские профсоюзы, провоцировали их лидеров на противоправные действия, а если не удавалось, действовали сами, совершали убийства и поджоги. Потом выступали в качестве свидетелей на судебных процессах, давали ложные показания, в результате десятки людей были приговорены к смертной казни через повешение.

Когда деятельность агентства получила огласку, количество клиентов сократилось. Мало кто хотел обращаться за помощью к убийцам и провокаторам. Чтобы восстановить доброе имя, Аллан Пинкертон организовал активную рекламно-литературную кампанию. Сначала стали выходить брошюры с увлекательными и совершенно лживыми мемуарами сотрудников агентства, а позже появился легендарный Нат Пинкертон, герой коммерческого литературного сериала. Дешевенькие истории про суперсыщика поставляли на книжный рынок безымянные голодные студенты и репортеры. Для них это был дополнительный заработок, для бессонного агентства, которое продолжало свою сыскную деятельность после смерти основателя, отличная реклама.

Илья Никитич знал много интересного, любил углубляться в историю. Стоило произнести при нем какое-нибудь известное, обросшее мифами имя, и он тут же начинал соскребать наросты неправды, вываливал на собеседника целый ворох замысловатой информации. Но голос у него был таким тихим и монотонным, что слушателей находилось мало. Его упрямо продолжали дразнить «Пинкертоном». Он упрямо обижался и обстоятельно объяснял, кто такие эти два Пинкертона, реальный и вымышленный. Бородин не любил, когда правду подменяли мифом и верили в то, что противоречит фактам.

Сейчас, сидя над тоненьким неинтересным делом об убийстве тележурналиста, Илья Никитич думал о том, что слишком большое количество очевидных фактов иногда тоже может обернуться мифом.

Анисимов Александр Яковлевич, семидесятого года. Родился в Москве. Женат, имеет одного ребенка девяти месяцев. Занимается частным предпринимательством. Образование высшее. Ранее к ответственности не привлекался. Со слов матери убитого известно, что в июле этого года Анисимов дал в долг Бутейко три тысячи долларов. Никаких документов, никакой расписки нет. Сроки возврата не оговаривались. О процентах речи не шло. В протоколе

зафиксировано, что на вопрос дежурного следователя о процентах Елена Петровна Бутейко ответила: «Нет, ну что вы? У моего сына ни с кем не было таких гадких отношений, он под проценты денег не брал!»

Стало быть, все по-приятельски, все на доверии. Однако, несмотря на теплые доверительные отношения, неделю назад Анисимов потребовал у Бутейко вернуть долг, причем в очень резкой форме, сначала по телефону. Что именно говорил Анисимов, никто не слышал. О том, что разговор был резким, свидетельствует мать убитого. От нее же известно, что двумя днями позже Анисимов побывал у них дома, опять настойчиво требовал вернуть долг, кричал и открыто угрожал Бутейко.

Кроме Елены Петровны, других свидетелей пока нет. Отец убитого в больнице, у него инфаркт. Допрашивать его врачи запрещают. А Елена Петровна не сомневается, что ее сына убил Анисимов. Правильно, сейчас никто в этом не сомневается. У Анисимова имеется пистолет «вальтер». Напился, пришел ночью в подъезд, застрелил в упор, в висок, и тут же уснул на месте преступления. Пистолет, из которого был произведен выстрел, валялся в нескольких метрах от спящего убийцы.

Орудие убийства, мотив, угрозы. Очень качественные доказательства, отборные, можно сказать.

– И все же, и все же... – пробурчал Илья Никитич себе под нос.

Почему никто не услышал выстрела? Ночь. Тишина. Жильцы первого этажа должны были как-то отреагировать на звук, даже если спали. Пистолет без глушителя, кафельные стены, акустика великолепная.

Труп обнаружила женщина, которая вышла с собакой. Она вызвала милицию. Жилец первого этажа выглянул на ее крик, а не на выстрел. И все это произошло через двадцать пять минут после убийства. А пьяный убийца спокойно спал, свернувшись калачиком, неподалеку от трупа. То есть, получается, он выстрелил в упор, в висок, когда Бутейко стоял у лифта. Потом побежал к двери. Ему надо было спуститься на три ступеньки вниз, но он не сумел преодолеть это препятствие, кубарем скатился с лестницы и потерял сознание. Однако никаких травм при первоначальном осмотре не обнаружено. Так, во всяком случае, записано в протоколе. Головой он не ударился, лежал себе целехонек, только вырвало его. Получается, он просто уснул? Ну что ж, такое тоже бывает. Вполне стандартная ситуация...

Илья Никитич прошелся по кабинету, продолжая бормотать себе под нос, включил электрический чайник, извлек из старенького портфеля пакет с мамиными пирожками. Два с капустой, два с яблоками. Каждый аккуратно завернут в бумажную салфетку.

К перекусу Илья Никитич готовился основательно и серьезно, никогда не жевал на ходу, не осыпал крошками бумаги на столе, не забывал тщательно вымыть руки, а после еды прополоскать рот. В тумбочке у него имелись красивые домашние тарелки, вилки, большая фарфоровая кружка. Из стаканов он чай никогда не пил. Кружка была английская, с изображением знаменитого «Большого Бена», Букингемского дворца и гвардейцев в высоких черных шапках. Чай он любил очень крепкий и сладкий, обязательно со сливками. Мама никогда не забывала положить ему несколько маленьких пластиковых баночек.

Перед едой Илья Никитич отправился в туалет с собственным душистым мылом в мыльнице, с собственным маленьким пушистым полотенцем, тщательно вымыл руки и причесался перед зеркалом. Вернувшись, выложил на тарелку пирожки, размешал в кружке сахар, напевая при этом высоким приятным тенором:

Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали.

Он довольно точно, без фальши, выводил мелодию. Вообще, петь он любил, знал наизусть множество романсов и старинных русских народных песен. Мама, единственный близкий чело-

век, всегда тихо выходила из комнаты, когда он начинал напевать. Это означало, что сын ее думает о чем-то серьезном и важном и трогать его не надо.

* * *

Сане Анисимову удалось ненадолго отключиться. Это нельзя было назвать сном. Он слышал все, что происходило вокруг, но глаза закрывались. Он очень надеялся, что если уснет, отдохнет хотя бы немного, то память восстановится.

Лавка была слишком жесткой, мешала вонь, мешало ощущение грязи. От одежды несло рвотной кислотой. Руки стали липкими, не удалось смыть черную гадость, в которую погружали его пальцы для снятия отпечатков. Телефонные звонки, голоса, хлопающая дверь – все сливалось в один тяжелый, бесконечный гул. Саня уже спал, когда сквозь гул прорвался высокий дрожащий голос:

– Ну пожалуйста, я прошу вас... мой муж, Анисимов Александр Яковлевич... Я должна знать, что произошло, я должна поговорить с ним.

– Не положено. Вот когда все оформим по закону, тогда будет свидание, если следователь разрешит. А пока не положено. Девушка, вы мешаете работать, – прогудел в ответ добродушный бас.

Дежурный пил кофе из бумажного стакана и жевал сосиску в булке. «Убойное» дело передавалось в округ, задержанного Анисимова должны были через полчаса забрать из их отделения, дежурный по доброте душевной позволил его жене с младенцем подойти к «обезьяннику», но теперь очень сожалел об этом. Молоденькая мамаша с младенцем в сумке-«кенгуру» была настроена слишком уже воинственно. Надо выставить ее от греха подальше. В прошлом месяце взяли одного пацана с героином, так его жена явилась в отделение с трехмесячными близнецами на руках, стала требовать, чтобы ее тоже задержали и оформили вместе с детьми. Визгу было, не дай бог.

Саня открыл глаза и сначала увидел рот, измазанный кетчупом. В голове молнией мелькнула четкая картинка: доллары на светлом ковре, рот в красном соусе, пухлая полуголая девушка со звездами на тяжелых грудях, с подвижным мускулистым животом.

Ресторан... Вечером он был в ресторане. Судя по виду грудастой девицы, там показывали стриптиз. По ковру рассыпались деньги, много денег, кто-то из официантов должен вспомнить и Саню должен узнать. Хорошо, и что это даст? Да, он был в ресторане. А потом оказался в подъезде дома, где жил Бутейко. Как он туда попал? На метро? На такси? Или его подвезли к подъезду люди, с которыми он сидел в ресторане? С кем же он там сидел? Ведь не один, в самом деле!

Утром он говорил по телефону с Вовой Мухиным. Но Вова известный халявщик, он никогда никого не приглашает в рестораны. И еще вопрос, пожалуй, самый существенный, куда он мог положить «вальтер», когда вышел из дома?

Вечером при нем не было ни сумки, ни портфеля-кейса. Ему просто некуда было спрятать пистолет. Карманы дубленки слишком мелкие, есть только один вместительный, внутренний, но там лежал радиотелефон. Не стал бы Саня запихивать тяжеленький «вальтер» в карман пиджака. Это было бы заметно, пиджак сшит из тонкого шелковистого сукна.

Саня зажмурился, напрягся, пытаясь вытянуть со дна памяти еще что-нибудь важное. Сейчас он чувствовал себя значительно лучше, ему стало спокойней, и сразу удалось столько всего припомнить. Тряхнув головой, он заметил наконец силуэт своей Наташи. Она стояла спиной к нему. На ней были старые домашние джинсы и короткая ярко-красная куртка-пуховик. Светлые волосы кое-как сколоты пластмассовой заколкой.

– Наташка! – выдохнул он и вскочил с лавки, втиснулся лицом в решетку «телевизора».

– Саня... – Она повернулась. Щеки ее были мокрыми от слез. Димыч спокойно сидел, прижатый к маминой груди, в сумке-«кенгуру», с любопытством озирался по сторонам. Увидев Саню, тут же заулыбался, завертелся, поднял ручку в яркой полосатой варежке и громко произнес:

– Папа!

– Наташка, вспомни, кто заходил к нам в последние несколько дней, кто мог залезть в ящик письменного стола? – быстро, взхлеб, затараторил Саня. – Не вытирай пыль. Проверь, лежит ли коробка с патронами в твоей шкатулке на комод. Открой ее ножом, не прикасаясь. На перламутре могут быть чужие отпечатки. Ты поняла? Вечером я был в ресторане. Позвони Вовке Мухину, я говорил с ним утром, может, он что-то знает про вечер...

– Саня, ты что, брал с собой пистолет?

– Я не помню...

– С ума сошел? Ты не мог взять пистолет. Вспоминай, где и с кем ты был! Сейчас же вспоминай!

– Не могу, Наташка, честное слово, дыра в памяти.

– Так, прекращаем это безобразие! – поднялся из-за стола дежурный. – Вы что, совсем очумели?!

– Наташка, слушай внимательно! Я не мог спрятать пистолет, когда шел в ресторан, ты поняла? Надо найти ресторан. Там была девка полуголая... доллары рассыпались.

– Какая девка? – Наталья хлопнула потемневшими от слез ресницами. – Какие доллары? Саня, что ты несешь?

– Слушай, ты уйдешь когда-нибудь или нет? – поинтересовался дежурный.

– Еще одну минуточку, пожалуйста, очень вас прошу...

– Какую минуточку? Все, чтобы я тебя здесь не видел! – Лейтенант взял Наташу за локоть.

– Подождите, я жена арестованного, я свидетель, вы должны меня допросить! Кто у вас здесь главный? Кто занимается этим делом?

– Самая умная, да? Марш домой с ребенком и не маячь здесь. Брысь отсюда, чтоб я тебя не видел! Надо будет допросить, вызовут тебя. Поняла? Нет?

– Не трогайте ее! – хрипло закричал Саня. – Наташка, меня чем-то накачали, добейся, чтобы мне сделали анализ крови! Запомни: ресторан, наркотик, Вова Мухин. Когда будешь говорить со следователем, скажи про пистолет, мне некуда его было спрятать, ты поняла?

– Папа! – возмущенно повысил голос Димыч, стал брыкаться и ворочаться, пытаясь выбраться из «кенгуру». Он был крупный, ловкий и сильный, мог запросто вылезти и шлепнуться на кафельный пол. Наталья крепко обхватила его обеими руками, Димыч застыл на миг, выгнул нижнюю губу подковкой, набрал побольше воздуха, прищурился, и через минуту торжественный басистый рев заглушил торопливую Санину речь, окрики милиционеров, храп бомжей.

Наталью под руки вывели на улицу. Она не сопротивлялась, только оборачивалась, глядела на удаляющееся лицо мужа, вжатое в тюремную решетку, бледное, заросшее темной щетиной, постаревшее за одну ночь лет на десять, изменившееся так, что казалось почти незнакомым. Она старалась разобрать последние его слова, видела, как шевелятся губы, но ни звука уже не слышала.

На улице Димыч успокоился. В «кенгуру» он вообще успокаивался быстро, особенно при ходьбе. Единственное, что волновало его теперь, это запах молока. Мамина грудь была прямо у него перед носом. Он терся личиком о ее свитер и сердито хныкал, напоминая, что пора кушать. Наташа впрыгнула в троллейбус, уселась на переднем сиденье.

Прежде всего надо было успокоиться и повторить про себя все, о чем просил Саня, чтобы ничего не забыть.

«Дома у нас за эти дни никого не было, – думала она, глядя в окно троллейбуса и поглаживая Димыча по головке, – неделю назад забегала Ольга. Позавчера мама сидела с Димычем, пока я была у зубного. За эти три часа мог кто-то зайти, но мама забыла сказать...»

Она глубоко задумалась и не заметила, как рядом с ней плюхнулась на сиденье пожилая тетка в пальто с каракулевым воротником и с кирпичными нарумяненными щеками.

– Ой, ты, деточка, как же тебе неудобно в этом мешке, вот вырастешь, будут у тебя, бедненького, ножки колесом, спинка горбатая. Что же у тебя такая злая мама, миленький ты мой?

– Послушайте, прекратите глупости говорить! – тихо огрызнулась Наталья.

– Она к тому же еще и хамка! – обрадовалась тетка. – Да я бы таких выселяла из Москвы, нечего делать в столице, если вести себя не умеешь в общественном месте! Рожают, бесстыжие мерзавки, а потом мучают, таскают в мешках, как щенков, и еще хамят пожилым людям! – Она орала все громче, работая на публику. – Я бы таких лишала родительских прав, вы посмотрите на нее, посмотрите, она ведь несовершеннолетняя, ей просто опасно доверять маленького ребенка!

Никто тетку не слушал. И это раззадоривало народную мстительницу еще больше.

– И не кормит она его, голодом морит, я вижу, как у ребенка глазки блестят, он голодный! Сейчас, детка, сейчас, маленький...

Наташа не успела опомниться, как в руках у Димыча уже была шоколадка «Пикник». Димыч, не раздумывая, потянул ее в рот прямо в обертке.

– Вот! – торжественно прокомментировала мстительница. – Это называется мамаша, даже развернуть не может!

Наташа выхватила шоколадку и бросила тетке на колени, Димыч стал громко протестовать, потянувшись за шоколадкой, чуть не вывалился из «кенгуру». Наташа усадила его поудобней, расправила лямки «кенгуру», встала и спокойно произнесла, обращаясь к тетке:

– Разрешите пройти!

Для народной мстительницы наступил звездный час. Она намертво вросла в сиденье, раздулась, побагровела и даже попыталась схватить Наташу за руку. В итоге они с Димычем чуть не свалились в проход, но удалось вовремя вцепиться в поручень. Троллейбус резко затормозил у остановки. Наташа выскочила в переднюю дверь. Димыч заливался плачем. Все глядели на молодую мамашу с ребенком в «кенгурушке» с жутким, садистским любопытством. Тетка продолжала беззвучно орать сквозь стекло. Наташу затрясло, как в лихорадке. Весь ее спокойный деловой настрой сдуло вмиг чужим злобным безумием. Она почувствовала себя беспомощной, совершенно одинокой, незаслуженно обиженной. Димыч продолжал заливаться. Прохожие оборачивались.

Было скользко и очень холодно. После бессонной ночи Наташу сильно знобило, к тому же из груди потекло молоко, свитер промок, а до дома оставалось пройти еще две остановки.

– Димыч, миленький, не плачь, ну, пожалуйста, – бормотала она, осторожно ступая по льду, – перестань, а то я тоже сейчас заплачу. И что ты будешь делать с рыдающей мамой на скользкой дороге? Давай мы оба успокоимся и просто поговорим.

Слезы еще катились у него из глаз, но он уже улыбался, глядя на Наташу снизу вверх, из «кенгурушки».

– Ну вот, солнышко мое, скоро придем домой, ты покушаешь, все будет хорошо. Все будет отлично.

Она чувствовала, как дрожит у нее голос, как неуверенно звучит ее бормотание. Димыч перестал улыбаться, продолжил свой торжественный, громкий рев. Ее неуверенность моментально передалась ему, он не мог успокоиться, вертелся в «кенгуру», идти становилось все трудней, под ногами был лед, несколько раз Наташа чуть не упала.

«Не раскисай, думай, ищи выход, – твердила она про себя, – не отвлекайся на мелочи, на злобных сумасшедших теток, ты же не истеричка, не идиотка, ты разумный человек, и, кроме тебя, Сане никто не поможет. Ситуация только кажется безвыходной потому, что ты не спала и нервничала всю ночь, причем так сильно, как никогда в жизни, и нервничаешь сейчас, то есть почти сходишь с ума. Ну, представь, что будет, если ты от ужаса потеряешь голову? Правильно, ничего хорошего. Не бывает безвыходных ситуаций, всегда есть выход. Кто же это сказал? Выход из тупика надо искать там, где был вход...»

Наташа несколько раз, словно заклинание, повторила про себя этот мудрый утешительный тезис и подумала, что всю его абсурдность можно понять только тогда, когда попадаешь в реальный тупик.

«Возможно, мне надо просто поспать. Совсем немного, вот приду домой, покормлю Димыча и посплю вместе с ним хотя бы пару часов. Авось поумнею».

Ночь была ужасной, она вообще не спала ни минуты, металась по квартире, плакала.

После странного ночного разговора Санин мобильный тут же выключился. Она сразу поняла, что с ее мужем случилось нечто ужасное. Он разговаривал как пьяный, язык у него заплетался. Но она знала: Саня пьет мало и никогда не напивается до бесчувствия. У него разумный организм. Лишний алкоголь тут же выплескивается наружу. Саню просто рвет, если он выпьет слишком много. Потом ему плохо, голова болит, но при этом он отлично соображает и контролирует себя.

Судя по тому, что он не соображал, где находится, жаловался на слепоту, ему могли добавить в питье метиловый спирт. Не исключено, что его просто избили, оглушили ударом по голове. Второе, пожалуй, вероятней. Когда они говорили по телефону, рядом слышны были собачий вой и женский крик, причем Наташа четко разобрала слова: «Помогите! Ой, мамочки, сколько крови!»

Обзванивая больницы, она почти не сомневалась, что кровь была Санина. Она представила себе, как ее муж валяется где-то в полуобморочном состоянии, в луже крови, забилась в истерику, даже стала задыхаться, но довольно быстро пришла в себя. Умылась ледяной водой, хлебнула крепкого сладкого чая, зажмурилась, спокойно и медленно досчитала до пятидесяти.

Простая и разумная мысль о том, что произошло нечто страшное и надо действовать, а не рыдать, прибавила ей сил. Она засела за телефон, и довольно скоро ей удалось выяснить, что муж ее задержан милицией по подозрению в убийстве и в настоящее время находится в районном отделении. Сострадательная девушка в справочной МВД даже назвала ей номер этого отделения.

Увидев мужа, Наташа немного успокоилась. Голова его была цела, крови и серьезных ссадин она не заметила. Он выкрикивал нечто невнятное, но сложно представить человека, который в подобных обстоятельствах сумел бы остаться спокойным и рассуждать здраво. Саня, разумеется, никого не убивал, ничего нелепее нельзя придумать, просто он попался под горячую руку милиции, такое случается. Главное, не паниковать. Он должен вспомнить, что же с ним произошло на самом деле. Судя по тому, что он бормотал и выкрикивал через решетку, ему кажется, будто его подставили. Это чушь, кому понадобилось Саню подставлять? Пройдет шок, все разъяснится.

Она говорила самой себе много правильных и разумных слов, но с каждым шагом по мокрой наледи чувствовала, как слова теряют смысл, превращаются в тупой болезненный гул отчаяния, который наполняет ее душу вместе с ревом машин, свистом колючего утреннего ветра. И нет ничего, кроме ледяного враждебного хаоса вокруг нее и внутри нее.

Глава 4

Павел Владимирович Мальцев в свои пятьдесят три года попал в Монреаль впервые и очень сожалел, что нет у него ни времени, ни сил как следует посмотреть город. Целью поездки был вовсе не «туризм», как это значилось в огромной анкете, которую ему пришлось заполнить, чтобы въехать в Канаду.

Если называть вещи своими именами, целью поездки была совершенно дикая, мальчишеская авантюра, которая могла очень плохо кончиться и для Павла Владимировича, доктора искусствоведения, и для его старшего брата, Дмитрия Владимировича, заместителя министра финансов России. Он хоть и остался в Москве, но рисковал не меньше.

В авантюру, как в жадную водяную воронку, втягивалось все больше людей, и от этого степень риска увеличивалась. В качестве помощника Павел Владимирович нанял странного, весьма опасного пройдоху, человека с внешностью супермена и с неопределенной биографией. Звали наемника Анатолий Григорьевич Красавченко.

При первом знакомстве пройдоха произвел на Павла Владимировича сильное впечатление. Он поигрывал мускулами, свободно болтал по-английски и по-французски, сыпал медицинскими терминами и байками из жизни российских дипломатов за границей. В нем чувствовалась крепкая хватка.

Высшее пограничное училище КГБ, факультет диверсионно-подрывной деятельности, работа по кадровой проверке командного состава в Афганистане, потом вербовка агентуры в Чечне, после этого – крутой зигзаг, тихая двусмысленная должность представителя Фонда ветеранов спорта при Министерстве иностранных дел. Чудо, а не биография, даже если хотя бы половина в ней – правда. Впрочем, седовласый богатырь сразу оговорился, что далеко не все может рассказать о своем героическом прошлом.

Конечно, Павла Владимировича многое в нем насторожило при знакомстве, однако ведь не наймешь для такого щекотливого дела порядочного человека!

«Проводить профессиональный наркодопрос – это примерно как зубы рвать под наркозом, – объяснил он Павлу Владимировичу, – главное, чтобы пациент расслабился и доверял врачу, не мешал работать. Когда работа уже идет, надо постараться, чтобы коронка не надломилась, а корень не остался в десне. А то, бывает, вместо необходимой информации клиент выкладывает всякие пустяки».

Братья Мальцевы не имели возможности контролировать Красавченко. Свои «зубодерные» операции он проводил наедине с клиентами. Знакомился, входил в доверие, при первой возможности добавлял в любой напиток небольшую дозу вещества, не имевшего ни запаха, ни вкуса. Через несколько минут на клиента накатывала такая страшная слабость, что он не мог шевельнуться без посторонней помощи. Тогда Красавченко делал ему инъекцию еще одного препарата, который и назывался «эликсиром правды». Это была сложная смесь наркотиков-галлюциногенов и антидепрессантов. В течение пятнадцати минут человек отвечал на любые вопросы, выкладывал то, что добровольно, в здравом уме и трезвой памяти не сказал бы даже духовнику на исповеди. Затем наступал долгий тяжелый сон. Проснувшись, клиент обязан был все забыть.

Для инъекций Красавченко использовал специальные одноразовые шприцы с тончайшими иглами. Найти на локтевом сгибе след укола было невозможно. А введенные в организм препараты рассасывались очень быстро, значительно быстрее, чем клиент пробуждался после долгого сна.

Происходило ли все именно так или Красавченко врал, братья не знали. Он уверял, что использует новейшие разработки секретных лабораторий ЦРУ и Моссада. Максимальный

эффект, минимальный вред организму. Никаких последствий. Клиент просыпается свежим и бодрым. Голова у него не болит, кошмары не мучают.

До назначенного времени оставалось десять минут. Красавченко никогда не опаздывал, Павел Владимирович предпочитал приходить на встречи с ним немного раньше, чтобы настроиться, психологически подготовиться. Но вместо этого нервничал еще больше. Он не знал, чего ждать от хитрого наемника.

Сидя в маленьком китайском ресторане, Мальцев поглядывал на часы и боролся с искушением достать из кармана радиотелефон, позвонить брату в Москву, поделиться своими опасениями, посоветоваться. Павла Владимировича мучили сомнения и неприятные предчувствия. Ему вдруг стало казаться, что пройдоха в один прекрасный момент решит и его, Павла Владимировича, пропустить через проверку своим чудодейственным «эликсиром правды».

– Только смотри, сам не глотни его «правдивого» пойла, – предупредил на прощание брат, – вообще, Пашуля, будь с ним аккуратней.

Если бы мог представить Дмитрий Владимирович, насколько аккуратно следовало себя вести с Красавченко! За всю свою долгую жизнь Павел Владимирович еще не встречал человека, который вызывал бы у него такую животную брезгливость и такое паническое недоверие.

Павел Владимирович даже на стуле заерзал, так захотелось позвонить брату сию же минуту, однако делать этого не стоило. Если Красавченко появится в момент разговора, он что-то почувствует, поймет. У этого хитрого сукина сына удивительное чутье. Слава богу, он пока верит, будто Мальцев – такой же наемник, исполнитель, лишенный права на полную информацию, и не догадывается, что Павел Владимирович и так называемый «заказчик» – родные братья.

Красавченко появился, как всегда, минута в минуту и, как всегда, подошел бесшумно, со спины. Павел Владимирович заметил его квадратную суперменскую физиономию в зеркале и мысленно похвалил себя, что все-таки сдержался, не стал отсюда, из ресторана, звонить в Москву.

– Ну что ж, поздравляю! Как я и предполагал, ваш план с голландским корреспондентом провалился, – сообщил Красавченко как будто даже с радостью, – она категорически отказалась от интервью. Между прочим, этот вариант был обречен на провал с самого начала. Я не уверен, что вы сумели бы сыграть роль голландца. Скажите честно, вы это придумали потому, что не доверяете мне? Боитесь, повторится история со стариком сторожем? Или опасаетесь, что мне удастся наконец получить информацию и я скрою ее от вас, от заказчика, воспользуюсь сам втихаря?

– Ну, допустим, сыграть роль голландца мне ничего не стоит. Я знаю язык, много раз бывал в этой стране. Повторения истории со стариком я действительно боюсь, ты уж извини, но я просто обязан тебя контролировать. Так было решено с самого начала. А что касается «исчезнуть втихаря», то этого я как раз совсем не боюсь. Ты сам знаешь, не выйдет. Ты же не самоубийца.

– Я понимаю, – Красавченко весело подмигнул, – вы не хотите оставлять меня с очаровательной дамой наедине. Вам спокойней, если допрос состоится при вас. Но вынужден вас огорчить. Так ничего не выйдет. Даже если бы она согласилась встретиться с корреспондентом, то вряд ли мне удастся уговорить ее провести разговор в гостиничном номере, поздним вечером, в интимной обстановке, – он вальяжно откинулся на спинку бархатного диванчика и принялся листать меню, – тем более мне пришлось сказать, что в гостиницу вас не пускают.

– Почему?

– Потому что она тут же поинтересовалась, в чем проблема? Разве голландец не может сам подойти к ней в фойе? Она без конца дает кому-нибудь интервью.

– Слушай, так, может, она и отказалась потому, что ты как-то двусмысленно предложил, ляпнул что-нибудь про поздний вечер и интимную обстановку? Она ведь дама строгая, у нее

безупречная репутация. Может, она тебя неправильно поняла? Если она в принципе от интервью не отказывается, значит, ты как-то не так просил.

– Ни на что я не намекал и просил вполне грамотно. Просто у нее настроение было неподходящее. Кстати, есть еще одна неприятная новость. Я выяснил, что она вообще не пьет. Это значительно усложняет нашу задачу.

– Ну, кроме спиртного, есть еще кофе, сок, минеральная вода. Ты же говорил, что твой пресловутый эликсир правды не имеет ни вкуса, ни запаха.

– Спиртное усиливает действие препарата, под водочку оно надежней. К тому же если человек знает совершенно точно, что он не употреблял спиртного, ему потом значительно сложнее понять причины странного состояния, в котором он находился. Пьющий человек всегда допускает, что мог выпить и отключиться. А у трезвенника внезапный провал в памяти от чашки кофе или стакана сока вызовет серьезные подозрения, особенно если пил он свой кофе или сок наедине с малознакомым человеком.

Подошел официант-китаец, низко склонился, заулыбался, ожидая заказа. Красавченко, как всегда, заказал целую гору еды. Мальцев ограничился порцией своих любимых тигровых креветок и клюквенным соком.

– Ну, я уверен, тебя в твоей разведшколе учили, как спаивать трезвенников и рассеивать подозрения. – Павел Владимирович попытался быть язвительным, но улыбка у него получалась скорее испуганная, чем ироническая.

– А, так вот почему вы при мне не употребляете спиртного? – подмигнул Красавченко. – Да, конечно, нас учили спаивать трезвенников. Но дело не в этом. Я продолжаю настаивать, что к Беляевой нужен принципиально иной подход.

– То есть?

– С ней не надо слишком много разговаривать об умном.

– О ком, прости? – нервно хохотнул Павел Владимирович.

– Все остриете? Юмор ваш совершенно не уместен. Я ведь предлагал свою обычную методику. Вы не дали мне санкцию на секс-мероприятие, вы сказали...

– Методика, санкция на секс-мероприятие... Любишь ты выражаться, прости господи. Тоже мне, дипломат хренов, – покачал головой Павел Владимирович. – Если ты к ней сунешься со своими подходцами, она будет шарахаться от тебя как от чумы.

– Пока еще ни одна не шарахалась. А Беляева прежде всего голодная баба. Голодная в смысле секса.

– Кто? Елизавета Беляева? Ну, это ты, братец, загнул...

– Вы зря смеетесь. Ей сорок, последняя вспышка молодости, последний шанс. Женщина в таком состоянии готова на многие глупости.

– Ну конечно! По-твоему, все они голодные и все готовы на глупости, независимо от возраста, интеллекта и социального положения, причем исключительно ради тебя, единственного и неповторимого. Странно, как до сих пор тебя не обглодали до костей страждущие дамы? У Беляевой кристальная репутация. О ней даже сплетен никаких не распускают. Она верная жена и образцовая мать. Все, что ее интересует в жизни, – семья и работа.

Официант принес для Красавченко огромную тарелку с какой-то сложной курино-рыбной закуской. Перед Мальцевым поставил стакан с клюквенным соком, и Павел Владимирович совершенно рефлекторно подвинул его к себе поближе, подальше от собеседника.

– Это ненормально. Так не бывает, – прошамкал Красавченко с набитым ртом.

– Бывает всякое. Вряд ли она решится рисковать репутацией ради нескольких часов удовольствия с таким красавцем, как ты.

– Дело не только во мне. Еще раз повторяю, ей сорок. Для женщины это критический возраст. Она подсознательно стремится наверстать упущенное. А если женщина замужем двадцать лет и у нее кристальная репутация, то упустила она многое. Это простой психоанализ.

– Ладно, хватит. Нам с тобой не до психоанализа, – поморщился Мальцев.

– Вот здесь вы не правы. Без психоанализа не обойтись. Действовать надо тонко и продуманно.

– Да уж, Беляева – не дед-алкоголик, который за бутылку расскажет что угодно.

– Между прочим, с дедом мне тоже пришлось повозиться. К каждому нужен свой подход. Моя методика рассчитана на простые человеческие слабости, а слабости уравнивают людей. Для поселкового сторожа это спиртное, для сорокалетней добропорядочной женщины – секс.

– Для каждой? – Мальцев осторожно отхлебнул сок.

– Ну, практически да. Просто не всегда это заметно.

– Тебя этому тоже в разведшколе учили?

– Меня учили индивидуальному подходу к людям.

– Однако при всем твоим тонким психологизме ты не сумел даже деда-алкоголика, поселкового сторожа, обработать таким образом, чтобы потом можно было оставить его в живых. Ну, что ты на меня так нервно глазами сверкаешь? Разве я подарил деду бутылку, в которой вместо чистого медицинского оказался метиловый спирт?

Официант принес горячее. Тигровые креветки были так обильно политы соевым соусом, что есть их Павел Владимирович не смог. Красавченко поглощал суп из морских гребешков с завидным аппетитом.

– У вас другие функции, и специальность другая, – заметил он, слизнув белесую мутную каплю с ложки. – Я ведь не суюсь в историю минералогии и в ювелирное дело, не пытаюсь рассуждать о Фаберже и о прочих вещах, в которых ничего не понимаю.

– И на том спасибо. А деда мог бы все-таки пожалеть.

– Да? Вы так считаете? Ну что ж, я с вами согласен, жаль старика. Но себя все-таки жальче. Старик болтун, каждый новый человек для него событие, и неизвестно, чем могла бы для нас обернуться его болтовня. В таких вещах лучше не рисковать, к тому же дед и так на ладан дышал.

– Ладно. Бог с ним, со сторожем. Он в итоге дал нам промежуточную информацию, и на том спасибо. Пусть земля ему будет пухом. У тебя есть какой-нибудь определенный план? Не забывай, времени в обрез, ты должен раскрутить Беляеву здесь, в Канаде. В Москве это будет значительно сложнее.

– Не беспокойтесь. Я раскручу. Это как раз совсем не сложно. Я продолжу ухаживать за ней, она не останется равнодушной. Если не сексуальный голод, так обычное женское тщеславие сыграет мне на руку. В любом случае я найду возможность остаться с ней наедине, а остальное – дело техники.

– Только смотри, не отрави ее насмерть своим эликсиром правды. Один труп у нас с тобой уже есть, и, если это дойдет до заказчика, он вряд ли одобрит твою излишнюю осторожность.

– А почему это должно дойти до заказчика? Мы не обязаны отчитываться по каждому персонажу в отдельности. Его интересует только результат.

– На сегодня у нас результат скверный. Информации практически никакой, и уже есть один труп. Учти, если вторым трупом станет такая знаменитость, как Елизавета Беляева, то третьим и четвертым можем оказаться мы с тобой. – Мальцев вдруг услышал себя со стороны, и у него заныл желудок.

«Я становлюсь скотиной, – поздравил он себя и тут же утешил: – С кем поведешься...»

– Ну, это вы преувеличиваете, мы с вами в любом случае останемся вне игры, – покачал головой Красавченко. – Кто нас вычислит?

– Нас никто не сможет вычислить. Просто не успеет, потому что уберет нас сам заказчик, чтобы ненароком не засветилось его державное имя в процессе расследования.

– Кстати, вы так и не назвали мне его имени.

– Ты думаешь, он мне представился?

– Но вы сказали «державное». То есть он человек известный.

– Нас с тобой это в любом случае не касается. Чем меньше мы о нем знаем, тем лучше. Не забывай, у тебя осталось всего четыре дня. Вариант с интервью уже провалился. Так что очень советую не строить замок на песке, не рассчитывать на свою грандиозную мужскую привлекательность и продумать несколько запасных вариантов.

– Они уже продуманы.

– Вот и отлично. Действуй. Но только прислушайся хоть раз в жизни к доброму совету, не будь таким самоуверенным.

Расплачивался, как всегда, Мальцев. Красавченко просто встал и ушел, даже не поблагодарив за ужин. Ну и черт с ним, чего еще ждать от хама?

Как только Павел Владимирович остался один, он тут же стал названивать брату в Москву. В Москве была ночь. Механический голос сообщил, что абонент временно недоступен.

* * *

– Из вашего пистолета убит человек, которому вы перед этим дважды угрожали. Вы были арестованы на месте преступления. Чтобы не вести долгих разговоров, давайте начнем с чистосердечного признания, оформим все, как положено, и это может смягчить приговор.

– Я не угрожал и не убивал. Я не знаю, каким образом попал в подъезд. Мне было очень плохо.

– Значит, чистосердечно признаваться не желаем?

– Нет. Я не убивал. Я ничего не помню. Мне было очень плохо.

– Вам было плохо... Вы пили перед этим?

– Не помню.

– В протоколе сказано, что вы находились в состоянии сильного алкогольного опьянения.

– Я не помню.

– А что вы помните?

– Ничего.

Сане сразу не понравился следователь. Маленький пожилой толстячок, уютный, сдобный, как домашняя теплая выпечка. Именно от таких, внешне добродушных, глуповатых и безобидных, следует ждать неприятностей.

– Завтра будет проведена судебно-психиатрическая экспертиза. Но без всякой экспертизы могу вам сказать, что вы производите впечатление человека вполне вменяемого. Не советую симулировать.

– Я и не собираюсь. Пусть меня проверяет любая комиссия. Я правда ничего не помню. Я же говорил, меня накачали наркотиком, действующим на память. Я очнулся в чужом подъезде от крика и собачьего лая. Никого я не собирался убивать, у меня семья, ребенок маленький.

– Никого не собирались убивать... А зачем купили пистолет?

– Просто так. Сейчас у многих есть пистолеты. Это модно, престижно.

– У многих? У кого, например? Можете назвать поименно ваших знакомых, имеющих огнестрельное оружие?

– Я не стукач.

– Вы не стукач... Ну, хорошо, а вам известно, что незаконное приобретение, хранение и ношение оружия наказывается лишением свободы на срок до трех лет?

Саня молчал и глядел в пол.

– Я задал вам вопрос, – мягко напомнил Илья Никитич.

– Да, – еле слышно произнес Саня, не поднимая глаз.

– Значит, купив пистолет, вы вполне сознательно пошли на уголовное преступление?

- Я не считаю это преступлением.
- Убийство тоже не считаете преступлением?
- Я никого не убивал, – Саня решительно помотал головой, – меня подставили.
- Кто и зачем?
- Понятия не имею.
- Понятия не имеете, – удовлетворенно кивнул следователь.

Дурацкая манера повторять почти каждую фразу собеседника Саню просто бесила. Собственные слова сразу казались глупыми, неубедительными, словно старикан пережевывал их своими вставными челюстями и получалась жидкая словесная каша вместо осмысленных, продуманных ответов.

– Если бы я знал, кому понадобилось меня вырубать, разве я не сказал бы? Я изо всех сил пытаюсь вспомнить, но не могу.

– Пытаетесь, но не можете... – повторил Илья Никитич. – А что именно вы пытаетесь вспомнить? Что вам кажется самым важным?

– Ну, во-первых, пистолет я из дома не выносил. Мне просто некуда его было положить.

– Да что вы? – удивился Илья Никитич. – Он у вас такой удобный, легкий, карман не оттянет.

– Нет. В дубленке наружные карманы маленькие, а во внутреннем у меня лежал радиотелефон. Пиджак из тонкой ткани, было бы заметно, если бы там лежало что-то тяжелое.

– Хорошо, а внутренний карман пиджака?

– Там бумажник.

– Но есть еще карманы брюк, ваш «вальтер» запросто туда влезет.

– Нет. Торчит. Брюки узкие.

– Значит, все варианты перепробовали?

– Какие варианты? Я его не брал с собой. Вообще не брал, понимаете?

– Ладно, допустим. В котором часу вы вышли из дома?

– Спросите у моей жены.

– И куда направились? Или об этом тоже спросить у вашей жены?

– Кажется, я был в ресторане.

– Отлично, – обрадовался Илья Никитич, – это уже кое-что. В каком именно ресторане?

– Там танцевала полуголая девушка со звездами на груди, и еще там рассыпалась куча долларов по ковру. Но все это очень смутно, как в тумане.

– Действительно, туману много. Название ресторана, конечно, забыли?

Саня молча кивнул и опустил голову так низко, что Илья Никитич видел только его темно-русую макушку.

– Значит, вы помните, что незадолго до убийства были в ресторане, но пистолета с собой не брали? А каким образом оказались в подъезде убитого, рядом с трупом?

– Я не убивал.

– Послушайте, Анисимов, а может, вы просто забыли, как выстрелили в Бутейко?

– Пожалуйста, не надо издеваться, – Саня вжал голову в плечи, словно опасался, что старик сейчас ударит его, – я не вру вам. Я не мог выстрелить человеку в висок. У меня бы просто рука не поднялась. А мой пистолет должен был лежать дома, в ящике письменного стола.

– Но оказался каким-то мистическим образом на месте преступления. Ладно, Александр Яковлевич, сегодня я свяжусь с вашей женой, она принесет вам смену одежды, а это все мы отправим на экспертизу и узнаем, в какой именно карман вы положили пистолет, когда отправились убивать приятеля.

– Я не...

– Да-да, я понял, вы не убивали, – кивнул Илья Никитич. – Вы давали Бутейко деньги в долг?

– Да. Три тысячи долларов.

– Когда это было?

– В июле.

– Вы брали у него долговую расписку?

– Нет, конечно.

– А сроки возврата оговаривали?

– Нет.

– Значит, вы полностью доверяли Бутейко?

– Не знаю. На этот вопрос я сейчас не могу ответить. Простите, у вас случайно нет сигареты?

– Случайно есть. Пожалуйста.

Илья Никитич не курил, но держал в своем столе на всякий случай пачку «Ротманс» и дешевую одноразовую зажигалку.

– Не можете ответить... – задумчиво повторил, давая Сане прикурить, – что, очередной провал в памяти?

– Если вы считаете, будто я здесь комедию ломаю, то ошибаетесь. Я не симулирую, не строю из себя психа. – Саня жадно затянулся и заговорил очень быстро, затараторил, словно текст был выучен заранее: – Артем Бутейко был мне должен три тысячи долларов. После кризиса у меня возникли серьезные проблемы. Но из этого не следует, что я убил Артема. Разве покойники возвращают долги? Мне нужны были деньги, а не огромный тюремный срок, не высшая мера. И потом, я бы сразу убежал.

– Вы были слишком пьяны.

– Если бы я собирался убивать, разве стал бы пить перед этим?

– Логично, – кивнул Илья Никитич, – но и выпить для храбрости в такой ситуации тоже логично. Из-за неприятностей после кризиса, из-за сложностей с деньгами вы много и сильно нервничали. Накопилась злоба, она требовала выхода. А тут – должник, который не возвращает деньги. Люди в своих поступках далеко не всегда следуют логике и здравому смыслу. Гораздо чаще ими руководят слепые эмоции, особенно в тех случаях, когда происходит убийство. Вы ведь дважды угрожали Бутейко.

– Угрожал? Ерунда какая... Нет, я напоминал ему о долге, но это нельзя назвать угрозами.

– Расскажите, пожалуйста, подробно, какой разговор состоялся между вами, когда вы в первый раз потребовали вернуть долг.

– Я просто позвонил, спросил, как дела. Я ждал, что он сам вспомнит о деньгах, но он не вспомнил. Я спросил прямо: когда собираешься возвращать? Он ответил, что пока не может точно сказать. Сейчас у него все настолько плохо, что на хлеб не хватает. В общем, он стал жаловаться на жизнь, как все в таких случаях.

– У вас большой опыт общения с должниками? – улыбнулся Илья Никитич.

– Нет... а почему вы так решили? – растерянно моргнул Саня.

– Вы сказали, как все в таких случаях.

– Ну, я имел в виду... я говорю не о своем опыте, просто известно, как люди тянут резину и жалуются на жизнь, когда речь заходит о деньгах... – Саня почувствовал, что краснеет, стал запинаться и в итоге замолчал.

– Ну, хорошо. А потом, через два дня, вы пришли к нему домой и опять говорили о деньгах. Мать Бутейко уверяет, что слышала угрозы.

– Ничего она не могла слышать. Да, я просил его вернуть хотя бы часть. Артем пробил свою программу на телевидении. То есть у него появилась возможность хорошо заработать.

Между прочим, это еще раз подтверждает, что убивать его мне было невыгодно. Я просил, а не угрожал.

– Вы пришли к нему специально ради этого разговора или был какой-то другой повод?

Внезапно Саня замолчал. Илья Никитич с удивлением заметил, как резко изменилось его лицо. Он побледнел, глаза тревожно забегали. Казалось, он мучительно пытается решить для себя что-то важное. Илья Никитич дал ему время подумать, не торопил.

– Да. Повод был, – наконец медленно выдавил Саня сквозь зубы, – я зашел, чтобы посоветоваться с его отцом.

– Очень интересно, – радостно кивнул Илья Никитич, – пожалуйста, конкретней.

– Я не могу... А в общем, теперь уже неважно. Я принес показать отцу Артема одну вещь, чтобы он оценил ее. У моей жены есть старинное кольцо. Большой изумруд, бриллианты. Оно ей досталось от прабабушки. Я просто хотел узнать, сколько оно может стоить. Ну, на всякий случай. Мало ли что? Мы сейчас очень нуждаемся в деньгах. Я ничего не сказал Наташе, она бы ни за что не разрешила продавать кольцо. Она много раз повторяла, что ее прабабушка даже в Гражданскую войну, в голод, берегла эту вещь.

– Разве Вячеслав Иванович Бутейко имеет отношение к ювелирному делу? – искренне удивился следователь.

– Имел когда-то. Но об этом в их семье не принято говорить.

«Почему?» – чуть было не спросил Илья Никитич, но сдержался. Он всегда старался не спешить с вопросами, которые вызывали у него особенный интерес.

– Ну и как Вячеслав Иванович оценил кольцо? Оно действительно оказалось дорогим?

– Нет, – тяжело вздохнул Саня, – он сказал, что в изумруде трещина и еще какие-то повреждения, а бриллианты очень мелкие, показатели чистоты низкие. В общем, больше трех сотен долларов за эту вещь получить нельзя. Я Наташе ничего не стал говорить. Принес кольцо, потихоньку положил назад, в шкатулку. Вы тоже не говорите ей, хорошо? Ей будет очень обидно, если она узнает, что я оценивал кольцо и что оно на самом деле так дешево стоит. Это ведь единственная ее фамильная драгоценность.

– Ну, специально не буду сообщать. А там уж – как получится, – улыбнулся Илья Никитич. – Вы давно знакомы с Бутейко?

– Учились в одном классе.

– Дружили?

– Нет, – Саня повысил голос, ответил слишком поспешно и даже шлепнул ладонью по столу для убедительности.

– Значит, в школе вы не дружили. А в последнее время какие между вами были отношения?

– Да никаких не было отношений! Просто приятели. Бывшие одноклассники.

– Кто из ваших общих знакомых мог знать о долге?

– Многие.

– Что значит – многие? Вы давали деньги при свидетелях?

– Нет. Артем забежал ко мне домой на пятнадцать минут, мы выпили по чашке кофе, я дал ему деньги.

– Ваша жена была дома в это время?

– Не помню... А, ну конечно, Наташи не могло быть дома. Весь июль она прожила с сыном на даче у моих родителей.

– Стало быть, никто не видел, как вы давали Бутейко деньги и какую именно сумму?

– Никто.

– Почему в таком случае вы утверждаете, что о долге знали многие?

– Да потому, что Артем в последнее время жил в долг. Он брал у всех, кто мог дать, и суммы были примерно одинаковые, от двух до четырех тысяч. Об этом все знали, кроме его родителей.

Илья Никитич задумался на секунду, чуть прикрыл глаза и беззвучно отбил пальцами дробь.

«Все, кроме родителей... однако о долге стало известно со слов матери убитого. Она сразу назвала Анисимова убийцей и вспомнила про деньги. Позже, придя в себя после короткого обморока, назвала сумму – три тысячи. Собственно, о долге известно только с ее слов. Про угрозы тоже».

– Александр Яковлевич, а какие вообще у Бутейко были отношения с родителями?

– Ну, как вам сказать? Сложные.

– Можно конкретней?

– Понимаете, родители Артема люди старомодные, все из себя добропорядочные, правильные и наивные до ужаса. Таким ничего нельзя объяснить. Если бы они узнали хотя бы приблизительные суммы его трат и его долгов, у обоих бы волосы дыбом встали.

Неожиданно для себя Саня хрипло засмеялся и не мог остановиться. Он вдруг вспомнил, что отец Артема совершенно лысый. Следователь спокойно и терпеливо ждал, когда закончится приступ дурацкого нервного смеха. Но Саню уже просто трясло, из глаз брызнули слезы. Хохот перешел в плач. Следователь участливо предложил воды. Зубы стукнули о стекло. Вода попала в дыхательное горло.

– Я не убивал Артема, честное слово, – забормотал он, захлебываясь слезами и кашлем, – я понимаю, доказать невозможно, все против меня, улики, свидетели, но я не убивал. Конечно, вы мне не верите. Но я точно знаю, Артем не говорил родителям про свои долги. Его мама не могла знать. И никаких угроз она не могла слышать. Просто у нее шок – понятно, единственный сын.

Кашель отпустил. Илья Никитич молча протянул ему бумажный носовой платок. Саня вытер глаза, шумно высморкался и немного успокоился, стал говорить медленно, монотонно, и следователю опять показалось, что он произносит заранее подготовленный текст:

– Артем не вылезал из светской тусовки, каждый день должен был появляться на всяких презентациях, в ресторанах, в казино, поддерживать знакомства со знаменитостями. Ему хронически не хватало денег. Он одевался в дорогих бутиках. Он вообще был страшно озабочен своей внешностью, многие часы проводил в примерочных магазинов, знал названия всех фирм-производителей одежды, мог лекции читать по истории костюма, но никогда этого не афишировал. Одевался нарочито небрежно, но в этой небрежности была особенная стильность, был шик. А шик – дело дорогое.

– И родители не замечали, что на нем дорогие вещи?

– Артем уверял их, будто покупает шмотки в самых дешевых комиссионках. Для них что Версаче, что фабрика «Красная швея» – один черт. Тряпка, она и есть тряпка.

– Подождите, но в Москве давно нет комиссионных магазинов, – заметил Илья Никитич, – этого они тоже не знали?

– Родители Артема в последние годы покупали что-либо только в угловом гастрономе. Только еду покупали. Кефир, хлеб, макароны. Всем, кто приходил в гости, предлагали горячие черные гренки. Знаете, ломтики ржаного хлеба, обжаренные в подсолнечном масле. Со сладким чаем очень вкусно. Представляете, много лет подряд, из года в год, одно и то же угощение, жареный черный хлеб. С ума сойти можно. А одежду они не покупали вообще. Носили старую. У отца Артема все носки состояли наполовину из штопки. Пиджаки и пальто перелицованные. Ну, знаете, когда вещь распарывают по швам, выворачивают наизнанку, потому что там ткань меньше изношена, и сшивают заново. Мать Артема целыми днями сидела за швей-

ной машинкой. Старенькая такая машинка, с ножной педалью, которая выглядит как фрагмент литой чугунной ограды.

Саня бормотал, глядя в одну точку, и все ждал, когда же следователю надоест слушать этот бред. Но Бородин сидел молча, расслабленно откинувшись на спинку стула, и глядел на Саню сквозь прикрытые веки. Сане даже показалось, что старик заснул. Ну и ладно, спокойной ночи. Он покосился на Илью Никитича, без спросу вытянул из пачки еще одну сигарету, прикурил.

– Педаль качалась медленно, тяжело, у Елены Петровны отекали ноги. Она многие годы сидела за этой машинкой. И никогда, ни разу не сшила ничего красивого, нарядного. Обметывала простыни, сострачивала огромные, как паруса, пододеяльники. Артем как-то пришел в школу в плюшевой темно-зеленой рубашке, такой узкой, что казалось, сейчас лопнет по шву, и заявил, будто это последний писк моды, будто какой-то родственник привез из Парижа для своего сына, но у того слишком пузо толстое, не смогли застегнуть пуговицы. На самом деле мать нашла на антресолях старое покрывало и сшила ему рубашку. А узкая она потому, что осталось очень мало невытертой ткани. – Саня загасил сигарету и перевел дух. В кабинете стало тихо. Молчание длилось несколько минут.

«Он не верит, – с тоской подумал Саня, – ничего у меня не получается. Сейчас он отправит меня назад в камеру».

Этого он боялся больше всего. Каждая минута в тихом кабинете, наедине со спокойным вежливым старичком, без вон и ужаса перед соседями-уголовниками, была для Сани сейчас на вес золота. Саня готов был болтать хоть до утра, лишь бы побыть здесь еще немного.

Следователь продолжал сидеть неподвижно, только веки его чуть приподнялись, глаза оживились.

– Ну что же вы замолчали, Александр Яковлевич? – произнес он с едва заметной улыбкой. – Я вас внимательно слушаю. Бутейко пришел в школу в рубашке, сшитой из старого покрывала. Что было дальше?

– Дальше? Ну что могло быть дальше? Все стали спорить, обсуждать эту несчастную рубашку, разглядывать ее, щупать. Кто-то из девочек обратил внимание на то, что швы обработаны зигзагом, а не оверлоком, то есть рубашка сшита на домашней машинке. Но Артем никогда не смущался, если его ловили на вранье. Он заявил, что это тоже писк моды. Самые знаменитые модельеры продают вещи «хенд-мейд», сделанные вручную. В итоге он добился, чего хотел. Весь класс был занят его рубашкой, его персоной. Когда рубашка «хенд-мейд» всем надоела, он выдумал другое. Притащил в школу какую-то брошку со стекляшкой и заявил, что это старинный бриллиант. Рассказал совершенно дикую историю, будто бы его дед копал колодец и нашел шкатулку с драгоценностями. Там, кроме прочего, был этот камень. За ним охотятся все коллекционеры и бандиты мира. Сто пятьдесят лет назад его снесла курица где-то на Урале.

Саня замолчал, вжал голову в плечи. Он ждал, что следователь сейчас взорвется, стукнет кулаком по столу, крикнет, мол, хватит мне голову морочить, не устраивайте из допроса балаган. Какая рубашка? Какая курица? Какое отношение вся эта ахиня имеет к убийству Бутейко? Но вместо этого старик мягко произнес:

– Ну что же вы? Продолжайте, пожалуйста. Я вас внимательно слушаю.

Глава 5

Деньги, конечно, не пахнут. Разноцветные бумажки, захватанные тысячами чужих пальцев, шуршат, как вчерашние газеты с несвежими новостями, как мертвые осенние листья. Нет величины менее постоянной, чем деньги. Они истлевают, переходя из рук в руки, они теряют смысл во времена великих катаклизмов, и портреты, напечатанные на затертых бумажках, как будто усмеваются. Вот, смотри, ради чего ты трудился в поте лица, терял силы, не спал ночами. Хорошо, если трудился честно, не нажил врагов и грехов, а если ради бумажек подличал, предавал, убивал, душу закладывал? Вот, оказывается, сколько стоит твоя бессмертная душа. Ты сам ее так оценил. Тебе не хватит этой бумаги даже на растопку печки, чтобы согреться зимой, когда выключат отопление и придется мастерить «буржуйку».

Впрочем, можно поступить умней, вложить бумажки в другие, более надежные ценности. Но если ты купишь землю, где гарантия, что завтра тебя не выгонят с этой земли те, кто окажется сильнее? Дом может рухнуть, сгнить, сгореть, как и все другое добро.

Золото надежней, но оно тяжело и громоздко, в нем нет жизни, света. Стоимость металла определяется всего лишь его весом, но никак не красотой. Было время, когда алюминий ценился дороже золота.

И только драгоценные камни, алмазы, изумруды, красные и синие корунды не падают в цене. Камни – это сгустки великого могущества, источник благ и бедствий. Камень – самое долговечное вещество из всех, что есть в материальном мире. Драгоценный кристалл питается светом, вбирает в себя время, не стареет, не умирает, и многих сводит с ума желание обладать холодным радужным осколком вечности. Он похож на застывшее прекрасное мгновение, которым соблазнял доктора Фауста коварный Мефистофель.

В 1701 году в копи Портиал в Голконде (Южная Индия) безымянный невольник нашел камень такой красоты, что не мог с ним расстаться. Распоров себе бедро, он спрятал светящийся кристалл в свое тело и носил его под кровавой повязкой. Тайну он открыл случайному английскому матросу. Невольник готов был отдать сокровище, но не за деньги, которых у матроса все равно не было, а за свободу. Матрос выполнил свое обещание, индеец вскоре оказался на английском торговом судне и опьянел от прохладного морского воздуха. Сделка состоялась. Матрос извлек алмаз из гноящейся, незаживающей раны и индийца выбросил за борт.

Судно под английским флагом прибыло в форт Св. Георга в Мадрасе. Матрос продал камень губернатору форта Вильяму Питту. Деньги, полученные за алмаз, не сделали матроса богатым и счастливым. Он промотал их в портовых кабаках и, расставшись с последним из нескольких тысяч фунтов, повесился.

А счастливый обладатель алмаза Вильям Питт назвал это чудо природы в свою честь, вернувшись на родину, в Англию, приказал огранить алмаз в совершенный бриллиант. Огранка продолжалась два года и стоила пять тысяч фунтов. Обломки кристалла продали за семь тысяч фунтов.

В 1717 году после долгих жесточенных торгов Вильям Питт все-таки расстался с камнем, алмаз приобрел за сто тридцать пять тысяч фунтов тогдашний регент Франции герцог Орлеанский. Герцог оказался скромнее губернатора, он переименовал камень, но присвоил ему уже не собственное имя, а всего лишь свою должность. Бриллиант теперь назывался «Регент».

Камень был вправлен в корону Людовика XIV к торжеству коронации 1722 года. Камень, извлеченный из кровавой гноящейся раны безымянного невольника, украшал благородные королевские головы. Последняя из них, голова Людовика XVI, во время Великой французской революции была отрублена косым ножом гильотины.

После кровавой революции Французская республика остро нуждалась в деньгах. «Регент» выломали из короны и продали русскому купцу по фамилии Тресков. Но генерал

Бонапарт любил камни, он выкупил знаменитый бриллиант, вставил его в эфес своей шпаги, чтобы вскоре опять расстаться с сокровищем, взяв под залог камня огромную денежную ссуду. Наполеон Бонапарт хотел завоевать мир. Кристалл, который мог уместиться на детской ладони, стоил столько, что хватило на оснащение целой армии. Известно, чем все закончилось и для армии, и для полководца.

Сейчас знаменитый «Регент» покоится на почетном месте в Лувре. Возможно, найдется человек, который сумеет заполучить это сокровище в свою частную коллекцию. Кто знает, как сложится после этого судьба счастливец?

Римский естествоиспытатель Плиний Старший в своей «Естественной истории» писал, что алмаз уничтожает действие яда, рассеивает пустые бредни, освобождает от страха, тускнеет в руке убийцы. Твердость у алмаза несказанная, он так сопротивляется ударам на наковальне, что железо с обеих сторон разлетается и сама наковальня растрескивается. «Сия неодолимая сила, противящаяся двум сильнейшим веществам в природе, железу и огню, размягчается от горячей козлиной крови. Какому гению или какому случаю приписать данное открытие? Кто надумал затеять столь странный и таинственный опыт с поганым животным?»

Римский ученый ошибался. Несмотря на непревзойденную твердость, алмазные кристаллы хрупки и легко раскалываются от ударов. Козлиная кровь не оказывает на них никакого действия.

Чистые сверкающие кристаллы, такие, как «Питт», попадаются редко. Сырые необработанные камни не бросаются в глаза ни своим блеском, ни своей внешней формой. Поверхность их часто матовая и шероховатая, иногда покрыта корочкой постороннего вещества, которую называют «рубашкой». В средневековых лапидариях, специальных трактатах, посвященных целебным и магическим свойствам драгоценных камней, утверждается, что алмазы растут семьями, один маленький, другой большой, кристаллы мужские и женские. Они питаются небесной росой и рожают детенышей. Для них, как для человеческих детей, появление на свет в «рубашке» – счастливый знак.

Ранней осенью 1829 года на Урале, в Горноблагодатском округе, в деревне Калининской бабушка Аполлинария Попова вышла утром поглядеть, как дела у белой курицы-несушки. Курицу звали Мотя. Она была старая, жирная и необычайно яйценосная. Заглянув в лукошко, выложенное мягкой соломкой, Аполлинария Ивановна, к ужасу своему, не обнаружила теплых крупных яиц цвета топленого молока, которые обычно к завтраку приносила Мотя в количестве не меньше трех штук. В чистой соломке покоилось одно-единственное яйцо, по размеру меньше голубиноного, грязное, серое, а главное, какое-то квадратное.

– Ой, батюшки, да что ж это за пакость такая? Неужто сглазили курицу? – воскликнула Аполлинария Ивановна, перекрестилась и быстро забормотала: – Да воскреснет Бог, и да расточатся врази Его...

Кряхтя, охая и бормоча молитву на изгнание нечистого, Аполлинария Ивановна отправилась в сени. Лукошко она несла осторожно, на вытянутых руках, и боялась смотреть на квадратного недоноска, боялась дышать исходящим от него колдовским смрадом, хотя на самом деле пахло из лукошка просто куриным пометом.

Старший внук Аполлинарии Ивановны, четырнадцатилетний Павлик, собирался на работу, мыть золото.

– Ты поглядь, Павлуша, напасть какая, – бабушка дала ему лукошко, – курицу-то нашу сглазили, я знаю кто, Раиска-бобылка, ведьма проклятая. Помнишь, третьего дня Мотенька пропала? Раиска ее к себе заманила на двор, у ней есть черный петух, бабы говорят, петух этот особенный, заговоренный. Ему сто пятьдесят лет, он никогда цыпленочком не был, откуда взялся, неизвестно. Если какую курицу покроет, она сразу нестись перестает. Ой, беда, Пав-

луша, жалко куру-то, теперь только в суп ее разве, да и то не знаю, не будет ли вреда от такого супу?

– Ладно тебе, бабушка, – Павлик осторожно взял маленькое грязное яичко в руки, поскреб ногтем твердую грань, – куры наши бегают не к Раиске на двор, а к прииску, вокруг кашеваров пасутся, там и пшено, и хлебные крошки. Раиска-бобылка тут ни при чем. И петух у нее самый обычный, просто черный, как уголь, и драчливый, как бес. А на прииск к кашеварам бегают подкормиться не только с нашего двора куры, но и со всех соседних. – Павлик говорил рассудительно, как взрослый, а сам все скреб странное яичко, рассматривал его на свет.

– Ну да, как же, на прииск, – продолжала ворчать бабушка, – там пшено старое, прогорклое, чего им, курам-то, бегать? Вон я ее, голубушку, отборным зерном кормлю, никуда ей не надо бегать со двора. А ты, Павлуша, простокваши покушай с хлебом да брось на это чудо-юдо глядеть, выкинь его скорей, от греха подальше, а лучше в болотце утопи.

Но Павлушу вдруг как ветром выдуло из избы, он сбежал с крылечка, крепко сжимая в кулаке грязное чудо-юдо. Лицо его покраснелось, глаза заблестели. Остановившись на бегу, он развернулся, подбежал к Аполлинарии Ивановне и быстро зашептал ей на ухо:

– Бабуля, ты соседкам про это яичко не болтай. Никому ни слова. Поняла? – И тут же убежал, так и не покушав простокваши с хлебом.

Летом Павлик Попов работал на Крестовоздвиженских золотых приисках, принадлежавших Бисерскому заводу графини Порье. 3 июля он нашел странный кристалл, крупный, бесцветный, прозрачный. Через два дня на прииск явился сам граф Порье вместе с минералогом Шмидтом, и вскоре в Петербург министру финансов графу Канкрину была отправлена срочная депеша. Граф Порье писал:

«5 июля приехал я на россыпь вместе с господином Шмидтом, и в тот же день, между множеством кристаллов железного колчедана и галек кварца, открыл я первый алмаз. Алмаз этот был найден накануне 14-летним мальчиком из деревни Калининской Павлом Поповым».

Разумеется, сам Павлик об этом письме понятия не имел, не знал, что имя его войдет во все учебники и научные труды по минералогии. Но отлично понимал, что такое эти прозрачные кристаллы и сколько они стоят.

Ранней осенью 1829 года несучка Мотя склевала на прииске крупный, чистый алмаз, а потом выкакала его в лукошко.

Глава 6

За окном падал крупный снег. Было светло от снегопада и так тихо, что слышно, как в пяти километрах от дома гремит по ледяным рельсам одинокая электричка.

Подмосковный дом Дмитрия Владимировича Мальцева был большим и теплым, с центральным отоплением, с тремя ванными комнатами и двумя маленькими душевыми. В гостиной, в столовой и в спальне Дмитрия Владимировича имелись еще и камины, настоящие, с ажурными экранами, с полным набором всяких щипцов, кочерег, щеток, совков и совочков для углей.

Дмитрий Владимирович всегда растапливал камины сам, выкладывал сухие поленья красивой пирамидкой и все пытался научить Варю этому нехитрому делу. Но у нее еще ни разу не получилось, она напихивала целую кучу бумаги, однако слабый синеватый огонек дрожал и гас, оставляя тонкие извилистые стебельки дыма, которые напоминали Варе худеньких тающих привидений из детского фильма «Каспер».

Снег пошел с вечера, а к ночи превратился в метель. Варя сначала глядела в окно на крупные, подсвеченные фонарем снежинки. Потом на розовые сполохи тлеющих углей в камине. Наконец уставилась в потолок и стала считать слонов.

Перед ее мысленным взором медленно продвигалось тяжелое темно-серое стадо. Слоны топали по потолку. Они маршировали в ногу, как солдаты на параде. Ритм был упорно-однообразным. Главное, не увлекаться счетом, не забывать о сладких столах и двигаться, двигаться. Главное, не думать о том, что внизу вода, сто пятьдесят литров воды, от которой отделяет только прорезиненная ткань матраца и тонкая шелковая простыня.

Ритм нарастал. Водяной огромный матрац колыхался, как груда желе. Слоны неслись по потолку. У Вари устали ноги. Она была мокрой от пота, чужой кисловатый липкий пот впитывался в ее поры. Она утешала себя простыми мечтами о том счастливом моменте, когда встанет наконец под душ, выдавит на губку ароматный зеленый гель и будет долго, тщательно мыться. До этого пока далеко. Терпеть еще минут двадцать, не меньше. Это целая вечность.

Дробный слоновий топот постепенно сливался в долгий сплошной звук, напоминающий громовой раскат. Ей казалось, стадо несется уже не по потолку, а по ее распластанному телу. Она чувствовала себя совершенно плоской, ее втапывали в упругую подвижную мякоть матраца. Потный пыхтящий на ней мужчина весил не меньше ста килограммов. Он всегда был сверху. Он терпеть не мог иных позиций, кроме этой, самой примитивной. Все прочее считал извращением.

Сил у него было много, а фантазия отсутствовала напрочь. Первые две недели с его тонких сухих губ не срывалось ни звука, ни поцелуя. Сорок минут гробовой тишины и мерного, тяжелого ритма телодвижений. Но потом он расслабился, разыгрался. Он стал иногда целовать Варю, посасывал, покусывал ее ухо, стонал и вскрикивал странно высоким голосом. Вот тогда и появилась у нее надежда. Она поверила, что все будет хорошо.

Этот человек, один из самых богатых и влиятельных в России, этот упругий молчаливый толстяк с желтоватыми, блестящими, как мокрый суглинок, глазами, с короткой бычьей шеей, широкими волосатыми запястьями и тонкими, как у женщины, холеными пальцами, женится на ней.

Дмитрий Владимирович Мальцев официально числился заместителем министра финансов, однако его влияние и его полномочия распространялись далеко за пределы этой сравнительно скромной государственной должности. Кроме ежедневных сорока минут потной гимнастики с Варей на водяном матраце, во все остальное время суток у него был глубокий начальственный бас. Каждое утро он пробегал пять километров по лесу босиком, в одних тру-

сах, в любую погоду, потом плавал в ледяном бассейне. В свои пятьдесят шесть лет он был здоров, как боров, как племенной бык, как дикий африканский слон.

Температура воды в бассейне поддерживалась постоянная, зимой и летом плюс семь градусов. Если подойти к краю, можно было заметить льдинки, тончайшие, прозрачные, как контактные линзы. Иногда ночью, когда тишина была особенно глубокой, Варя казалось, что она слышит, как они позванивают, сталкиваясь на черной глади воды с отражениями бледных зимних звезд.

«Вода – это красиво и совсем не страшно, – убеждала себя Варя, глядя в черную глубину бассейна, – ты должна привыкнуть к воде. Тебе везло, три года он не ездил с тобой на морские курорты. Врачи сказали ему, что солнце для него вредно, что-то такое с кожей, опасно загорать. Однако теперь разрешили. Этим летом он намерен отправиться в Ниццу. Тебе придется войти в море. Ты должна быть готова к этому, иначе потянется цепь вопросов и подозрений, он не успокоится, пока не выяснит истинную причину твоего страха. Он узнает о тебе все, и твои великие планы растают, как эти хрупкие льдинки».

Она проводила с собой эту психотерапию не только стоя у бассейна, но и лежа на водяном матрасе. Ей хотелось кричать от ужаса, когда она чувствовала под собой тяжелую, тугую, смертельно опасную массу воды.

«Ты не должна бояться. Ты ведь хочешь, чтобы он женился на тебе?»

– Да... – простонала Варя, почти не разжимая стиснутого рта.

Ноги заныли нестерпимо. Правое ухо было мокрым, он измусолил мочку, вымазал слюной шею. К шее прилипли влажные пряди. Считать слонов стало невозможно, стадо слилось в одну сплошную свинцовую массу. Черная тяжелая толща воды почти сомкнулась над ней, не давая дышать. Варя закричала, глухо, сдавленно. Она позволила себе этот крик потому, что он был вполне уместен, он был кстати, и энергичный трудолюбивый толстяк благодарно поцеловал ее в губы, погладил по волосам.

Дмитрий Владимирович Мальцев был полностью удовлетворен. Он почувствовал себя настоящим мужчиной. А Варя была счастлива, что все кончилось и можно идти в душ.

Она оставила Мальцева лежать с закрытыми глазами и блаженным выражением на потном лице. Она видела, как он, не открывая глаз, протянул руку и включил радиотелефон, с которым никогда не расставался, отключал только на сорок минут любви, не более.

Варя накинула халат и выскользнула из спальни. Не успев прикрыть за собой дверь, она услышала слабое треньканье радиотелефона и хриплый, недовольный голос:

– Да... Нет, я тебя отлично слышу, но мне не нравится твой голос... Я понимаю... Честно говоря, мне сразу эта твоя идея с голландским корреспондентом показалась дурацкой. Извини, но актер из тебя никудышный. Слушай, Павлуша, откуда в тебе этот юношеский авантюризм?.. Что ты сказал? От страха? Ну, знаешь, братец дорогой, трусости я в тебе никогда не замечал. Ладно, это не телефонный разговор. А вообще, все к лучшему. Он профессионал, пусть и работает своими методами. Что ты молчишь? У тебя появились сомнения? Хорошо, объясни... Ладно, Паша, брось, не преувеличивай, мало ли у кого какие сексуальные проблемы? Это не мешает ему оставаться профессионалом... Ну, знаешь, так нельзя, ты его нашел, ты уверял меня, будто он классный специалист, а теперь кричишь, что мы связались с идиотом... Вот это правильно, отдохни, погуляй, пройдишь по антикварным лавкам, как раз у отеля «Куин Элизабет» есть пара-тройка приличных антикваров. Кстати, как тебе Монреаль? Ты ведь в Канаде раньше не бывал... Да, действительно, есть что-то общее с Нью-Йорком, но Америка все-таки колоритней. А с этим твоим дипломатом все нормально. Из того, что он считает себя роковым мужчиной, вовсе не следует, что он полный идиот. Пожалуйста, прекрати паниковать. Все, будь здоров.

Разговор длился не больше трех минут. Мальцев говорил довольно громко, все-таки его собеседник, его любимый младший брат Паша, находился на другом полушарии. Варя, стараясь не дышать, застыла у двери, дослушала до конца и только потом отправилась в душ.

* * *

У большинства оперативников дотошность старшего следователя Бородин вызывала острое раздражение. Работать по делу, которое ведет Бородин, считалось чем-то вроде дисциплинарного взыскания. Про Илью Никитича говорили, что он любого, самого терпеливого оперативника за можай загонит и доведет до белого каления.

Проглядев материалы дела об убийстве журналиста Бутейко, капитан Иван Косицкий загрустил. Судя по тому, какие мероприятия планировал проводить по этому делу следователь, работа предстоит нудная, а главное, совершенно бессмысленная. Действительно, зачем возиться, если все очевидно? Окажись на месте Бородина другой следователь, он бы только радовался такому классному делу. Все прямо как на подбор: вот тебе и труп, и убийца с оружием и мотивом преступления. Посиди пару дней, позанимайся писаниной, оформи все, как положено, и не дергай ни себя, ни других.

И кому только в голову пришло вручить этот подарок зануде Бородину? Если бы не Илья Никитич, дело через неделю было бы в лучшем виде передано в суд и Анисимов А. Я. отправился бы отбывать свою заслуженную «пятнашку».

И все-таки капитан Косицкий понимал, что кривит душой. Несмотря на простоту и очевидность дела, следователь Бородин скорее все-таки прав, чем не прав. Слишком много белых пятен. Не опрошены свидетели, не проведены экспертизы. Сначала надо выяснить, точно ли заслужил Анисимов А. Я., ранее не судимый и вполне нормальный парень, эту свою «пятнашку». Ведь, кроме самого Анисимова, наказаны будут и его двадцатилетняя жена, которой придется во всех анкетах писать, что муж ее осужден по убойной статье, и крошечный сын, которому придется расти без отца. Есть еще у этого Анисимова мама с папой, вполне нормальные люди. В общем, капитан Косицкий решил, что с него не убудет, если он погуляет по большому тихому двору, поговорит с жильцами первого этажа.

Правда ведь интересно, почему никто не услышал ночью выстрела, хотя пистолет был без глушителя? Каким образом подозреваемый умудрился беззвучно упасть с лестницы, не получить ни единого ушиба и заснуть здоровым крепким сном запойного пьяницы? Ведь что получается: пока он поджидал свою жертву в подъезде, он отлично соображал, потом хладнокровно пальнул в упор, в висок своему бывшему однокласснику, прошел несколько шагов к лестнице и тут же вырубился? Был трезв, потом стал пьян, хотя напился вроде бы не в подъезде, не за упокой души убиенного приятеля.

Иван не спеша обошел кирпичный дом, в котором еще недавно жил журналист Артем Бутейко. Обычная девятиэтажка, три подъезда, тонкие стены, низкие потолки. Домофоны установлены в каждом подъезде, но ни один не работает. Перед домом просторный двор с детской площадкой, с двумя рядами гаражей-«ракушек».

Во дворе было пусто, только молодая мама с коляской сидела на спинке поломанной лавочки, съездившись, как продрогший воробей, да на спортивной площадке парнишка лет шестнадцати выгуливал толстого вялого боксера.

Скудное зимнее солнце спряталось, и сразу как будто похолодало. Женщина спрыгнула со своего насеста и покатила коляску к подъезду, к тому самому, где произошло убийство. Иван решительно последовал за ней.

– Добрый день, – он представился и показал удостоверение, – вы в этом подъезде живете?

– Да, а что? Вы насчет убийства? – Лицо ее моментально оживилось.

Постоянные обитатели московских дворов, бабушки, мамы с маленькими детьми, бездельники-подростки и бомжи, в последнее время все реже соглашались выступать в роли свидетелей. Еще недавно многие с удовольствием выкладывали оперативникам все, только успевай вопросы задавать. А сейчас что-то изменилось. Наверное, произошло то, чего так упорно добивались средства массовой информации. Окончательно подорвана вера в милицию, и большинство людей живет в полной уверенности, что преступников давно никто не ловит, все воруют и берут взятки, и вообще бандит симпатичней милиционера. А возможно, просто настало время, когда бесплатно никто не раскроет рта. Скоро для того, чтобы узнать дорогу у прохожего, придется платить. А свидетеля, который согласится хоть что-то рассказать, надо будет награждать не только деньгами, но и медалью за гражданское мужество.

Однако на этот раз капитану повезло. Мамаша с коляской была готова отвечать на вопросы.

– Так точно, я насчет убийства, – радостно закивал Иван. – Скажите, пожалуйста, вы ночью слышали выстрел?

Женщина пожала плечами, задумалась на секунду и медленно произнесла:

– Вы знаете, я как раз живу на первом этаже, дверь напротив лифта. У нас в квартире отлично слышно, что происходит на лестничной площадке. Этого парня застрелили около двух часов ночи?

– В час сорок пять.

– Ну да, я в это время была в ванной, и вода у меня не лилась. Я слышала какую-то возню на площадке, постоянно хлопала входная дверь, она у нас железная, тяжеленная, звук по всему подъезду разносится, даже если придерживать.

– Дверь хлопнула несколько раз? – насторожился капитан. – А точнее вспомнить не можете?

– Ну, я, конечно, не считала, – пожала плечами женщина, – но точно больше двух. Понимаете, было такое ощущение, что кто-то ходит туда-сюда, и всю ночь стоял грохот, как весной. Потом все затихло минут на тридцать. Я спать не ложилась, сидела на кухне, чай пила. Ну, а потом уж начался шум, обнаружили труп, приехала милиция.

– Подождите, вы сказали, стоял грохот, как весной. Что вы имели в виду? Грозу, что ли?

– Петарды, – объяснила женщина, – весной в нашем дворе каждую ночь запускают петарды. Как первые теплые ночи наступают, выходят подростки, стоят во дворе до утра и развлекаются. Ну, еще в Новый год, конечно, тоже палят. Так вот, этой ночью, ни с того ни с сего, настоящую канонаду устроили, как раз между часом и двумя. Я подумала, может, у кого-то день рождения или свадьба. И еще, как раз без чего-то два я открыла форточку и увидела, как человек пробежал мимо окна. Окно кухни рядом с подъездом, я обратила внимание на него потому, что, во-первых, он бежал, во-вторых, у него были широченные плечи. Такой, знаете качок с бычьим затылком. Гора мускулов. Он промчался от подъезда к повороту в переулок. Лица я, конечно, не разглядела, я ведь смотрела из света в темноту, но силуэт запомнила.

– Вы сказали, это было без чего-то два? Точнее не помните?

– К сожалению, нет. Я на часы не взглянула.

Капитан поблагодарил женщину, уселся на спинку лавочки, достал сигареты.

«Петарды – это очень интересно. В ту самую ночь, в то самое время, когда прозвучал выстрел, во дворе запускали петарды. А из подъезда выбежал плечистый тяжеловес. И дверь хлопала то и дело. Хорошо бы еще с кем-нибудь побеседовать на эту тему, если, конечно, найдутся желающие».

Он оглядел двор. По-прежнему было пусто, только парнишка продолжал тренировать своего толстяка боксера на спортивной площадке. Не худо бы с ним тоже пообщаться. Собачники часто выгуливают своих питомцев ночами.

«Может, мне второй раз повезет? Может, и этот парень тоже что-то видел, – подумал капитан, пытаясь прикурить на ветру, – хотя, между прочим, повезет не мне, а Анисимову. Для меня-то как раз все эти неожиданные подробности – лишняя головная боль».

Хлопнула дверь подъезда. Вышла белокурая высокая девушка в ярко-голубой куртке. Капитан заметил, как хозяин боксера замер, а потом побежал навстречу девушке.

– Лена, подожди!

У парнишки ломался голос, крик получился смешной, петушинный.

– Ну что тебе? Я же сказала, оставь меня в покое.

Они остановились у лавочки, на которой сидел капитан. Боксер тяжело подпрыгивал, пытаясь лизнуть девушку Лену в лицо.

– Лен, ты куда? В магазин? – тревожно спросил мальчик.

– Никуда. Отстань.

– Ты что, обиделась?

– Сказала, отвали. Тоже мне, Отелло хренов. Видеть тебя не могу, – девочка говорила сердито, отрывисто, однако продолжала стоять, не уходила. Капитан подумал, что шансы у парнишки все-таки есть.

– Лен, я правда не следил за тобой. Так случайно получилось. Я просто с Жориком вышел погулять. Он сожрал что-то, его всю ночь несло, каждые полчаса просился.

– Да, конечно! У Жорика понос, а у тебя золотуха. Все, отвали. И не звони мне больше, понял?

– Лен, я ничего не видел, честное слово.

– А зачем спрятался? Ты следишь за мной, ты прохожу мне не даешь. Отстань.

– Я не следил. Делать мне нечего, что ли? Думаешь, мне так приятно было видеть, как ты с Сизым целуешься?

– Я? С Сизым? – Девочка презрительно фыркнула. – Совсем сдурел? Мы просто стояли разговаривали. И вообще, это не твое дело.

– Ага, разговаривали. В половине второго ночи. Лен, у него каждый месяц новая девочка, он только с виду крутой, а ты знаешь, где он работает? В морге санитаром! Как с таким целоваться можно?

– Ничего не в морге. Он в Первом медицинском учится на втором курсе. И вообще, я сказала, это не твое дело. Ходишь за мной, ходишь, съешь всюду свой нос. Надоело.

– Считаю, я вообще ничего не видел. Этот придурок как начал палить, я чуть не ослеп. И Жорик чуть с ума не сошел, он ведь боится грохота до смерти.

– Так, стоп, ребята! – вмешался Косицкий. – Что за грохот? Кто начал палить?

Они уставились на него удивленно и неприязненно.

– Ладно, я пошла, – сказала Лена.

– Нет уж, будьте любезны подождать! – Капитан достал удостоверение. – Я из милиции. У вас здесь во втором подъезде произошло убийство. Вы только что сказали, кто-то в это время запускал во дворе петарды. Вы видели кто?

– Придурок какой-то, – растерянно моргнув, ответил мальчик, – взрослый мужик. Я подумал, может, пьяный, или под кайфом, или просто сумасшедший.

– В котором часу это было?

– Ну, я специально на часы не смотрел... Я с собакой гулял, у него понос, я в первый раз с ним вышел около двенадцати, минут пятнадцать гулял, потом мы пошли домой, я только ботинки снял, он опять стал проситься. У него часто такое бывает, находит какую-нибудь дрянь на помойке, и бегай с ним на улицу до утра.

– Да, конечно, это всем очень интересно, – усмехнулась Лена, – это надо в протокол занести, что у твоего Жорика был понос. Между прочим, я тоже кое-что видела, например, как мужчина убежал, здоровый такой, тяжеловес, плечи широченные, голова прямо из плеч,

никакой шеи. Выскочил из этого подъезда, и вперед. Тот, который петарды пускал, бросился за ним. Они за угол повернули. Я их не могла разглядеть, было темно и далеко. Только силуэты.

– А того, который пускал петарды, можешь описать подробней?

– Нет. Я же сказала, только силуэты.

– А ты?

– Я тоже его не особенно разглядел, – пожал плечами мальчик. – Но пару раз сильно вспыхнуло, его всего осветило, с ног до головы. Роста небольшого, примерно с меня. Но довольно толстый. В темной короткой куртке, ноги, знаете, как у толстых бывают, «иксом». Он когда побежал, было видно, что не спортсмен. Бежал вразвалочку, тяжело. Я из-за него не мог как следует собаку выгулять. У пса расстройство желудка, а когда петарды грохают, он боится, не может нормально сделать свои дела.

– Опять ты про собачий понос, – презрительно усмехнулась Лена, – ничего интересней придумать нельзя!

Мальчик виновато покосился на нее и продолжал:

– Просто если уж рассказывать, то по порядку. Все-таки человека убили. Правда, что он известный журналист?

– Ну, в общем, да, – кивнул капитан, – известный.

– Так вроде, это, убийцу взяли на месте преступления, – вдруг вспомнил мальчик, – по «Дорожному патрулю» показывали, там так и сказали. Вам что, доказательств не хватает?

– Хватает, – буркнул Иван. – Тебя как зовут?

– Дорофеев Николай.

Капитан записал в блокнот имена и адреса свидетелей, поблагодарил, попрощался, спрыгнул со скамейки.

– А может, этот мужик специально петарды палил, чтобы выстрела не было слышно? – прозвучал у него за спиной приглушенный голос девочки Лены.

* * *

Прежде чем поехать в юридическую консультацию, Наташа Анисимова отвезла ребенка к маме.

– Я, между прочим, нисколько не удивлюсь, если окажется, что это он убил, – заявила Кира Георгиевна, как только Наталья переступила порог, – я знала с самого начала, чем закончатся эти его темные делишки.

Наташа вдруг подумала, что фразу эту мама подготовила заранее, как только услышала, что случилось, тут же принялась произносить торжественные внутренние монологи.

– Мама, перестань, – слабо простонала Наталья, стягивая с сына комбинезон, – какие темные делишки? О чем ты?

– Ты отлично знаешь, о чем я! Продажи, перепродажи. На нормальном языке это называется спекуляцией. За это раньше сажали в тюрьму. А теперь, пожалуйста, придумали: бизнес. Там, где бизнес, сразу начинается криминал, как у вас принято говорить, разборки, бандитские «крыши». О ребенке бы подумал, о тебе.

– Он и думал о нас, он деньги зарабатывал.

– У тебя только деньги в голове! В вашем поколении столько цинизма, что с вами страшно разговаривать. Вы слепы и глухи ко всему, что не приносит материальной выгоды. Когда ты была маленькой, ты была так далека от этого. Чистая, совершенно не меркантильная девочка, много читала, занималась музыкой, бальными танцами, фигурным катанием. И ради чего? Чтобы бросить институт и стать домохозяйкой, женой «нового русского»?

Кира Георгиевна растопырила пальцы веером и помахала рукой у Наташи перед носом, скорчив при этом надменную гримасу. Наташа не выдержала и рассмеялась.

– Ничего смешного, – проворчала Кира Георгиевна, – тупой апломб, наглость и жестокость. Вот законы, по которым живет твой муж и подобные ему. Он мог своровать, убить. Там у них это нормально, в порядке вещей.

– Мама, где – там? Что ты плетешь, подумай... – Она безнадежно, тяжело вздохнула и замолчала на полуслове.

Возражать не было сил, разговор старый, гадкий, стоило вернуться к нему, и сразу во рту почему-то возникал вкус прогорклой овсянки. Кира Георгиевна не любила своего зятя Саню и никогда не скрывала этого. То, что произошло, подтверждало ее правоту: Саня темная личность, человек без внутреннего стержня, без принципов и нравственной основы.

Вместо того чтобы работать по специальности, инженером-строителем, он занялся чем-то сомнительным, торговал всякой дрянью, таблетками для похудения, средствами для выведения волос, эликсирами, поднимающими мужскую потенцию, омолаживающими витаминами, причем все это активно и неприлично рекламировалось, объявлялось чудом фармацевтики, лекарствами двадцать первого века, но не было одобрено Минздравом, и неизвестно, какие имело побочные эффекты. Сама Кира Георгиевна двадцать пять лет честно прослужила в районной санэпидемстанции рядовым врачом-гигиенистом, с мужем развелась, когда Наташе было три года, с тех пор презирала всех мужчин вообще и каждого в частности. Чем старше становилась Наташа, чем явственней маячила перспектива ее собственной, отдельной взрослой жизни, тем чаще и вдохновенней произносила Кира Георгиевна свои монологи о цинизме и бездуховности современных молодых людей. Когда появился Саня, вся эта кипящая лава презрения обрушилась на него, и возражать не имело смысла, тем более сейчас.

Наташа уже несколько минут пыталась снять с Димыча шапку. Она вышла из дома без перчаток, руки ее застыли и все не могли отогреться. Распухшие пальцы никак не справлялись с узлом. Димыч хныкал, ему хотелось спать, ему не нравилось, что его так долго и неловко раздевают, тормозят, к тому же его пугал сердитый голос бабушки, он чувствовал, что взрослые ссорятся, и готовился зареветь всерьез. Если бы он не был таким усталым и сонным, наверное, уже давно заглушил бы своим ревом это взрослое безобразие.

– Дай-ка я развяжу, ты только путаешь! – Кира Георгиевна отстранила Наташу, присела на корточки перед Димычем. – Что ты здесь накрутила? Не могла нормально завязать? Ты хоть позавтракать успела?

– Я не хочу есть.

– А в голодный обморок хочешь хлопнуться, ко всем прочим радостям? Тоже мне, декабристка, жена ссыльнокаторжного. И нечего на меня так смотреть. Иди, возьми там сыру в холодильнике, бутерброд себе сделай. Деньги, деньги... Больные вы все, честное слово. Вот и сейчас наверняка у тебя только и крутятся в голове суммы с нулями. Ты о другом должна думать. Ты должна наконец сделать серьезные выводы. У тебя сын растет.

– Какие выводы, мама? – крикнула Наталья из кухни и хлопнула дверцей холодильника.

– Самые серьезные, Наташа. Самые серьезные. С кем ты живешь? Как ты живешь? Ты посмотри, какие люди окружают твоего мужа. Один только этот Вова Мухин чего стоит! У него на лбу написано, что он настоящий бандит, если только на таком узком обезьяньем лобике может уместиться какая-нибудь надпись. Кстати, он заходил к вам позавчера, когда ты была у врача.

– Кто? – крикнула из кухни Наташа и уронила нож.

– Вова Мухин.

– Мама, что же ты не сказала?

– Ну, забыла, прости. Неужели это так важно? И что за манера – орать через всю квартиру? Хочешь поговорить – зайди в комнату. Ребенок засыпает, а ты кричишь.

Наташа влетела с бутербродом в руке. Кира Георгиевна успела раздеть Димыча и уложить в постель. Они стали разговаривать шепотом.

– Зачем он заходил?

– Откуда я знаю? Он мне не докладывал. Вообще, ни здравствуйте, ни до свидания. Хам.

– Подожди, мама, я не поняла. Расскажи все по порядку. Он позвонил в дверь, ты открыла...

– Нет, мы с ним встретились внизу, в подъезде. Мы с Димычем возвращались с прогулки, он нас чуть не сшиб дверью. Я смотрю – физиономия знакомая. Поздоровалась, он не ответил. Вот и все общение.

– А ты уверена, что это был Вова Мухин? Ты, кажется, видела его не больше двух раз, и очень давно.

– Я еще не в маразме, слава богу, и память на лица у меня отличная. Ладно, ты не болтай, ешь. Бледная как смерть. Смотри, не доедешь до адвоката.

Наташа принялась за бутерброд. Хлеб был ее любимым, «Бородинский», к тому же еще теплый. И сыр «Чеддер», тоже ее любимый, но жевала она вяло, без всякого аппетита.

– Мам, а когда ты вернулась в квартиру, там ничего не изменилось?

– О господи, – тяжело вздохнула Кира Георгиевна, – ну что там могло измениться? Никого ведь дома не было.

– И все-таки, постарайся вспомнить. Это очень важно.

– Наталья, у тебя губы дрожат, ты посмотри на себя в зеркало, на кого ты похожа. Подумай, до чего твой драгоценный Санечка тебя довел! Вот это важно, и об этом ты должна сейчас думать.

– Ну что ты меня все пилишь? И так тошно. Пойми же ты наконец, Саня не убивал, его подставили, поэтому сейчас важна каждая мелочь. Вместо того чтобы ворчать, ты бы лучше попыталась вспомнить все подробно про Мухина.

– Да, конечно, этот самый Мухин его и подставил, я все видела, но тебе нарочно не хочу говорить. – Кира Георгиевна саркастически усмехнулась. – А тебе не приходит в голову, дорогая моя девочка, что, если это произошло, значит, были причины. Вот меня, например, никто никогда не подставит. И тебя, я надеюсь, тоже.

Наташа ничего не ответила, глотая слезы, отправилась в ванную, чтобы сцедить молоко в бутылочку для следующего кормления.

На прощание, уже на лестничной площадке, ничуть не стесняясь соседки, которая ждала лифта, Кира Георгиевна сказала громким, торжественно звенящим голосом:

– В общем, так. Тебе, конечно, надо пойти в юридическую консультацию, и с Димулей я посижу, но пойти тебе надо только с одной целью: посоветоваться, как быстрее оформить развод и разменять квартиру. Ты поняла меня?

Глава 7

Говорить с матерью убитого было настолько тяжело, что Илья Никитич заинтересовался этой дамой всерьез. Елена Петровна Бутейко держалась молодцом, и не подумаешь, что потеряла единственного сына, однако почему-то отказывалась отвечать на многие вопросы, самые простые и невинные.

– Зачем вы лезете в нашу жизнь? Какое отношение все это имеет к нашему горю? Вы ерундой занимаетесь. – Она опрокинула в рот стопку валокордина, поморщилась, тряхнула головой, как будто хлебнула чистого спирту, и уставилась на Илью Никитича сухими злыми глазами.

– Я веду расследование, – напомнил он.

– Зачем? Убийца задержан на месте преступления. Что тут расследовать? Судить его надо. Судить и расстрелять!

Илья Никитич сидел за шатким кухонным столиком у окна. Прямо в стекло упирались голые ветки тополя. По веткам прыгал снегирь. Ярко-красная грудка была единственным цветным пятном на черно-белом фоне пасмурного зимнего пейзажа. Застиранные ситцевые шторки только добавляли серости.

– Вам от этого станет легче? – тихо спросил Илья Никитич, так тихо, что Елена Петровна не расслышала.

– Расстрелять! – выкрикнула она и хлопнула ладонью по столу.

Стол был покрыт вытертой клеенкой, такой же клеенкой с фруктовым рисунком были оклеены стены кухни. На белых пластиковых дверцах маленького буфета пестрели остатки облупившихся переводных картинок.

– Не надо так кричать, – попросил Илья Никитич, – следствие идет, вина Анисимова еще не доказана.

– Тут нечего доказывать. Вам надо убийцу судить, а вы пытаетесь опорочить семью, от которой уже ничего не осталось. Я знаю законы. Я не обязана вам отвечать на вопросы, если мои ответы могут принести вред моей семье и мне лично! – выпалила Елена Петровна, вскинув подбородок.

– О каком вреде вы говорите? – тяжело вздохнул Илья Никитич. – Я задал вам простой вопрос: чем занимался ваш муж раньше? Разве в трудовой биографии Вячеслава Ивановича есть что-то опасное для вашей семьи?

Бутейко резко встала и начала метаться на крошечной кухне из угла в угол. Лицо ее побагровело, сухие глаза засверкали.

– Мой муж в больнице. У него инфаркт. Как вы смеете копать в его прошлом? Вас это не касается! Это вообще не относится к делу! – Она кричала так, что у Ильи Никитича зазвенело и зачесалось в ухе.

– Простите, Елена Петровна, почему вы так сильно нервничаете?

– Потому, что у меня убили сына! Потому, что у меня тяжело болен муж!

– Я понимаю и соболезную.

– Мне ваши соболезнования не нужны. Они ничего не стоят, ваши соболезнования. Моего мальчика не вернешь! Я отказываюсь отвечать на ваши идиотские вопросы.

– Отказываетесь отвечать, – понимающе кивнул следователь, – ну что ж, давайте официально оформим ваш отказ.

– Мой сын убит. Мой муж в больнице, в реанимации. У него обширный инфаркт. Хоть капля совести есть у вас? Я жаловаться буду.

– Елена Петровна, я вам очень сочувствую, вы можете жаловаться, это ваше право. – Бородин старался говорить как можно мягче. – Вы в который раз повторяете то, что мне

отлично известно. Вашего сына убили, ваш муж в больнице. Я могу понять ваше состояние, но реакция на мои простые вопросы кажется мне странной. Я всего лишь попросил вас рассказать, чем занимался ваш муж.

Елена Петровна встала и вышла из кухни. Вернулась она через минуту и резким движением швырнула на стол трудовую книжку.

– Вот, смотрите!

Трудовая биография Бутейко-старшего оказалась весьма скучной. После окончания художественного училища в 1965 году Бутейко Вячеслав Иванович работал мастером в металлоремонтной мастерской. Был по собственному желанию уволен в 1968-м и тут же был принят в ювелирный магазин «Янтарь», где проработал мастером художественной гравировки до 1985-го. Потом вдруг резко сменил специальность, устроился слесарем-наладчиком на обувную фабрику «Буревестник». Эта запись была предпоследней в трудовой книжке, дальше следовал уход на пенсию по возрасту.

– Скажите, ваш муж увлекся ювелирным делом и поэтому устроился на работу в магазин «Янтарь»?

– Он никогда не имел отношения к ювелирному делу, – медленно, почти по слогам, произнесла Елена Петровна и потянулась за бутылочкой валокордина.

– Вы только что принимали лекарство, – напомнил Илья Никитич, – нельзя так часто. Вам станет плохо.

– Мне уже плохо, – сообщила она, но бутылочку все-таки поставила на место. – Я не могу с вами разговаривать. Вы оказываете на меня грубое давление. Я буду жаловаться в высшие инстанции.

– Жалуйтесь, – кивнул Илья Никитич. – Но вам все равно придется давать свидетельские показания, не мне, так другому следователю. Либо вы должны будете подписать официальный отказ от дачи показаний. Нет других вариантов.

– Ладно, спрашивайте, мне нечего скрывать.

– Анисимов пришел к вам, чтобы показать Вячеславу Ивановичу старинное кольцо с изумрудом. Вячеслав Иванович оценил кольцо вполне профессионально...

– Вам это рассказал Анисимов? И вы так спокойно повторяете слова убийцы здесь, в этом доме? Вы повторяете их мне, матери убитого? – Елена Петровна вдруг заговорила трагическим театральным шепотом. – Так вот, я совершенно официально заявляю вам, что это вранье. Грязное, наглое вранье, от первого до последнего слова. Он вам что угодно сейчас наплетет, этот Анисимов. Он пришел угрожать моему сыну. Никакого кольца я не видела, зато отлично слышала угрозы. У нас квартира маленькая, комнаты смежные, стены тонкие. Разве ювелиры так живут? Оглянитесь вокруг. Разве так живут люди, связанные с золотом и драгоценными камнями? Вы ведь следователь, пожилой человек. Вы должны с первого взгляда определить жизненный уровень.

– Да, конечно, – легко согласился Илья Никитич, – ювелиры, как правило, состоятельные люди. Елена Петровна, вы знали, что ваш сын брал в долг большие суммы денег не только у Анисимова?

– Я не лезла в дела Артема. Он взрослый человек, – быстро пробормотала она, как будто немного успокаиваясь.

– Но о долге Анисимову вы все-таки знали. Артем сам рассказал вам?

– Нет. Я услышала случайно. То есть я услышала, как Темочка резко разговаривает с кем-то по телефону, почувствовала, как сильно он нервничает, потом спросила, что случилось. Он рассказал.

– Что именно он вам рассказал?

– Он пожаловался, что Анисимов угрожает ему, шантажирует.

– Чем шантажирует?

– Господи, ну какая разница?

– Елена Петровна, вы знаете, что такое шантаж? – осторожно поинтересовался Бородин, пытаясь поймать ее мечущийся, испуганный взгляд. – Это угроза разоблачения, разглашения компрометирующих, порочащих сведений с целью вымогательства. Какими сведениями, порочащими вашего сына, мог располагать Анисимов?

– Никакими!

– Замечательно. Чем же в таком случае он шантажировал Артема?

– Вы придираетесь к словам! И вообще, я устала.

– Простите, я отниму у вас еще несколько минут. В чем состояли угрозы?

– Он говорил, что убьет Темочку. Вот и убил.

– Ваш сын и Анисимов учились в одном классе. Анисимов бывал у вас в доме?

– Не помню. Темочка был добрым, открытым мальчиком, он многих приводил в дом в школьные годы. Возможно, Анисимов и бывал у нас.

– Они дружили?

– Кто?

– Ваш сын и Анисимов.

– Никогда!

– Но вы давно знакомы с Анисимовым? Вы помните его ребенком?

– Я его не знаю и знать не хочу. Он убил моего единственного сына, и я прошу вас не углубляться в воспоминания. Школьные годы к этому отношения не имеют.

– Ну хорошо. Мы оставим в покое школьные годы, вернемся к сегодняшним событиям. Вы сказали, Артем с вами поделился, пожаловался на Анисимова.

– Он не жаловался. Он сообщил мне, что Анисимов ему угрожает.

– Да, это вы уже говорили. Но я бы хотел знать, в чем конкретно заключались угрозы? Ведь о них известно только с ваших слов.

– Я повторяю, он говорил, что убьет Темочку.

– Просто так? Возьмет и убьет? – уточнил Бородин.

– Не просто так. Из-за денег.

– То есть Артем рассказал вам о долге в три тысячи долларов?

Глаза ее забегали, она опять густо покраснела и вдруг, словно приняв неожиданное решение, выпалила:

– Не было никакого долга!

– Очень интересно, – кивнул Илья Никитич, стараясь сохранять спокойствие, – вы это официально заявляете?

– Да, я заявляю это совершенно официально. Мой сын ничего не должен был Анисимову. Ни копейки. Анисимов вымогал у него деньги, три тысячи долларов. Мой сын не поддался на шантаж, и за это Анисимов его убил. Все. Мне плохо. Я требую, чтобы вы ушли.

– Если вам плохо, я могу вызвать врача.

– Нет. Давайте, что там надо подписать, и, пожалуйста, оставьте меня в покое.

– Вот, ознакомьтесь и подпишите. – Илья Никитич протянул ей листки протокола. Она проглядывала быстро, и только над последней страницей рука ее застыла.

«Конечно, сударыня, устно врать легче, чем подписываться в официальном документе под собственным враньем», – усмехнулся про себя Бородин.

Елена Петровна колебалась всего минуту, прежде чем подписать последнюю страницу. Бородин не стал ей напоминать, что в протоколе предыдущего допроса, который вел дежурный следователь, черным по белому записано с ее слов, что Анисимов давал в долг ее сыну три тысячи долларов в июле этого года.

* * *

Адвокат Зыслин Лев Иосифович оказался таким молодым и красивым, что Наталья воспряла духом. Ей всегда было проще общаться с молодыми красивыми людьми. У них нет комплексов, они не пытаются самоутверждаться за счет собеседника. И вообще, адвокат просто обязан быть привлекательным. Разве можно не прислушаться к мнению такого приятного молодого человека?

Наталья тут же представила себе, как он своим бархатным низким голосом убеждает высокий суд, что Саня не виновен, и окончательно успокоилась. Этот обязательно убедит. Найдут нужные слова, сумеет произнести их так, что все поверят. Саня будет освобожден из-под стражи прямо в зале суда.

– Кофе? Чай? – любезно предложил Зыслин, когда Наташа опустилась в мягкое кожаное кресло в его маленьком уютном кабинете.

– Кофе, пожалуйста.

– Простите за нескромность, сколько вам лет? – спросил он с ласковой снисходительной улыбкой.

Наташа знала, что выглядит моложе своих двадцати, особенно когда не накрашена. Ее часто принимали за несовершеннолетнюю.

– Мне двадцать.

– А, ну тогда все в порядке. Я, честно говоря, сначала подумал, что вам не больше шестнадцати. Ну-с, Наталья Владимировна, я вас внимательно слушаю.

Аккуратная светло-русая бородака придавала его облику нечто профессорское. Голубые глаза и открытая белозубая улыбка внушали надежду. Молоденькая секретарша в мини-юбке принесла поднос с двумя чашками. Кофе был жидкий, растворимый.

– Моего мужа подставили, – начала Наталья, дождавшись, когда выйдет секретарша, – он ни в чем не виноват.

– Так, минуточку, – Зыслин покачал головой и поднял руку, – давайте все по порядку. По телефону вы сказали, что ваш муж Анисимов Александр Яковлевич арестован и находится в камере предварительного заключения.

– Да, именно так. Его обвиняют в убийстве, но он не убивал.

– Ваш муж ранее привлекался к уголовной или административной ответственности?

– Нет, что вы! Никогда в жизни.

– Хорошо. Теперь давайте уточним ситуацию. Во-первых, в настоящий момент Александр Яковлевич еще не арестован, а задержан. Взят под стражу. Во-вторых, его еще не обвиняют, а только подозревают.

– Откуда вы знаете? Вы что, уже наводили справки?

– Нет, справок никаких я пока не наводил, просто я знаю законы. Пока вина человека полностью не доказана, он всего лишь подозреваемый. Вы уже встречались со следователем?

– Нет еще. Все произошло сегодня ночью. Я знаю, очень скоро, возможно, даже сегодня меня вызовут к следователю, и от того, что я скажу, будет многое зависеть, поэтому я решила прежде всего встретиться с вами, чтобы подготовиться к допросу, не ляпнуть лишнего.

– Американских фильмов посмотрелись? – усмехнулся Зыслин.

– Ну а разве там герои действуют неправильно, когда первым делом обращаются к адвокату? Они, между прочим, гораздо лучше нас знают свои права и умеют их отстаивать. Если моего мужа подставили, может, и следователь купленный, я должна заручиться поддержкой профессионала.

– Разумно, – кивнул Зыслин, – а почему вы так уверены, что вашего мужа подставили?

– Мой муж не мог никого убить. Он не такой человек. Я понимаю, для вас это не довод, так, наверное, все говорят.

– Ну почему же? Далеко не все. Есть жены, которые, наоборот, пытаются любыми средствами отправить своих благоверных за решетку.

– Да, конечно, но у нас совсем другой случай, – Наталья гордо вскинула подбородок, – я сделаю все, чтобы освободить и оправдать моего мужа. Все улики против него, слишком много улик, и это безусловно доказывает, что его подставили. Как будто нарочно так подстроили, чтобы никаких других подозреваемых. Вот он, готовенький. Ведь если предположить невероятное, если бы он на самом деле убил, то уж вряд ли бы завалился спать в том же подъезде, рядом с трупом и с пистолетом.

– А что, он действительно завалился спать рядом с трупом? – Зыслин едва заметно усмехнулся. – Он что, пьян был?

– Да нет же! Он вообще не пьет. То есть иногда выпивает, как любой нормальный человек, но никогда не напивается. Понимаете, ему подсыпали какой-то наркотик в водку или в коньяк, или чем там его поили в этом чертовом ресторане. В общем, его усыпили. А потом, проснувшись, он ничего не мог вспомнить. Кажется, до сих пор не помнит. Есть ведь всякие препараты, отшибающие память?

– Безусловно, – кивнул Зыслин, – и что было дальше?

– Ну что дальше? – Наталья тяжело вздохнула. – Наверное, его, спящего, загрузили в машину, привезли на место преступления, выстрелили из его пистолета.

– Откуда у него оружие?

– Купил по случаю, – Наталья покраснела, – по дурости купил. Просто так, чтобы самому себе казаться крутым.

– Какой марки пистолет?

«Вальтер». Кажется, пятизарядный, я в этом не разбираюсь. Да он эту игрушку вообще редко из дома выносил, только первое время иногда таскал с собой, чтобы в компании показать, в гостях, ну, просто похвастаться. Он для этого и купил, а не для того, чтобы стрелять.

– А вообще он умеет стрелять?

– Один раз на даче в лесу палил в дерево. Нарисовал на картонке мишень, прибил к березе и тренировался. Между прочим, ни разу не попал в «яблочко».

– Лицензия есть на оружие?

– Нет. Я говорила ему, что надо бы зарегистрировать пистолет. Мало ли что? А он отмахнулся, мол, ерунда, у всех его знакомых есть оружие, и никто не регистрирует.

– Интересные у вашего мужа знакомые, – хмыкнул адвокат. – Ну ладно, а личность убитого вам известна?

– Нет! – Наталья ошарашенно уставилась на адвоката, быстрым нервным движением прижала ладонь ко рту. – О господи... Я же правда понятия не имею, кто убит из Саниного пистолета. Извините, я только сейчас поняла, что совершенно не готова к разговору с вами. Я действительно знаю очень мало. – Наташа на секунду закрыла глаза, пытаясь успокоиться, вспомнить, ничего не упустить.

– Не волнуйтесь так, Наталья Владимировна, – подбодрил ее Зыслин, – я ведь не следователь.

– Да, конечно. Я попробую не волноваться. Мой муж ушел вечером на какие-то важные переговоры, его долго не было. Я позвонила ему на мобильный, он нес околесицу, не мог объяснить, где находится, а рядом были слышны какие-то крики, собачий вой. Потом телефон отключился. Я чувствовала, что-то должно произойти ужасное, я не хотела его отпускать, было поздно, мы поссорились...

– Вы давно женаты? – перебил ее Зыслин.

– Два года. Ребенку девять месяцев.

– Рановато начали ссориться. Вы, вероятно, ревнуете мужа, когда он уходит из дома поздно вечером и говорит, что по делам?

– Я ревную? Нет, ни в коем случае! – вспыхнула Наталья. – Если бы я не верила Сане, то просто развелась бы с ним. Я знаю, он действительно уходит по делам. Совсем недавно у него был свой маленький бизнес, довольно успешный. Он торговал всякой косметикой, витаминами. Фирма называлась «ЧНМ», «Чудо народной медицины». Может, слышали?

– Нет.

– Она совсем маленькая была, эта фирма. Но дела шли отлично, до августа этого года. А в августе прогорел банк, на котором все держалось, я ничего в бизнесе не понимаю, только знаю, что фирмы больше нет и банка тоже. После кризиса все так стало сложно, нам постоянно не хватает денег.

– А кому, интересно, их хватает? – Адвокат кашлянул и взглянул на часы. – Извините, Наталья Владимировна, но время – это тоже деньги. Из того, что вы рассказали, я понял только одно: дело сложное, запутанное, однако не безнадежное. Сейчас я, к сожалению, должен уехать по делам. Думаю, наша следующая встреча будет значительно плодотворней. Вы успокойтесь, шок пройдет, и вы изложите мне все по порядку, без спонтанных эмоциональных оценок.

– Простите, – смутилась Наталья, – я, наверное, правда очень сумбурно все излагаю. Но я хочу, чтобы вы поняли главное: мой муж не виноват. Он не убивал.

– А меня это совершенно не волнует, – улыбнулся адвокат.

– То есть как? Вы отказываетесь защищать Саню? – выпалила Наталья и судорожно сглотнула, чувствуя, что сейчас расплачется.

– Этого я не говорил, – покачал головой адвокат.

– Но тогда как же вас понимать?

– Именно так и понимать. Буквально. Дело в том, Наталья Владимировна, что факт реальной виновности или невиновности вашего мужа меня совершенно не заботит. У меня другие задачи. Я адвокат, а не следователь и не судья.

– То есть вам безразлично, кого защищать, убийцу или невиновного человека?

– Именно так, – улыбнулся Зыслин, – мне как профессионалу это безразлично.

– Так не бывает.

– Почему?

– Это очевидно. Во-первых, невиновного морально легче защищать, а во-вторых... – Она покраснела и запнулась.

– А во-вторых? – Зыслин чуть склонил голову набок и глядел на Наталью с насмешливым любопытством. – Ну, договаривайте, я вас слушаю.

– Правду проще доказывать, чем ложь.

– Вы так считаете? – вскинул брови Лев Иосифович.

– Я уверена.

– А вот и нет. Правду бывает значительно сложнее доказать, чем ложь. Правда может быть грязной, совершенно нелогичной, она сплетается стихийно, из нелепых случайностей, и слишком часто противоречит здравому смыслу. Ложь, продуманная, сознательная, – это красивый плод человеческого интеллекта. Она привлекательней и убедительней правды, а потому и доказать ее проще. Люди верят только тому, чему хотят верить. Но это так, между прочим.

Наташу стал немного раздражать его менторский тон. Адвокат как будто рисовался перед ней или упражнялся в риторике. Она была не в том состоянии, чтобы уловить суть его философских рассуждений, однако решила возразить.

– Все-таки правду доказать легче. Врать противно. Во всяком случае, я врать не умею, – мрачно пробормотала она и посмотрела в зарешеченное окно. Там светило солнце. Она подумала, что Саня сейчас тоже смотрит на ясный день сквозь решетку, и от жалости у нее заболело сердце, заболело по-настоящему, впервые в жизни.

– Врать не умеете? Ну, вы прямо ангел, Наталья Владимировна, – усмехнулся адвокат, и тут же лицо его стало серьезным, озабоченным, он еще раз взглянул на часы. – Чтобы мы с вами начали работать, вам необходимо написать заявление, заполнить два бланка, внести в кассу консультации тысячу рублей. – Он порывлся в столе, протянул ей несколько бумажек. – Вот образец заявления, это бланки. Мои услуги будут стоить пять тысяч долларов.

– Да, конечно, – машинально кивнула Наталья, взяла ручку, и вдруг ее бросило в жар, она открыла сумочку и тут же быстро ее захлопнула. – Простите, я не взяла с собой денег...

– А что вы так заволновались? Сейчас вы должны заплатить всего лишь тысячу рублей, это необходимо, чтобы мы с вами официально оформили наше сотрудничество. А основную сумму вы отдадите мне потом, не обязательно все сразу. Сначала будет достаточно двух тысяч долларов, это аванс.

– Правда? Тогда все нормально, но я... – она положила ручку на стол и горячо покраснела, – понимаете, у меня сейчас с собой вообще нет денег. Я кошелек оставила дома.

– Это не страшно. Вы зайдете завтра утром. Если меня не будет, вы просто внесете деньги в нашу кассу, вам все оформят, и послезавтра мы начнем работать.

– Да, конечно, спасибо вам.

Из консультации она вышла вся мокрая от пота. Она еле держалась на ногах. Был ясный морозный день, от холода, от яркого солнца выступили слезы, и Наташа ничего не видела сквозь дрожащую радужную пелену. Она чуть не упала, поскользнувшись на раскатанной черной полоске льда, подвернула ногу, но боли не почувствовала. На перекрестке завизжали тормоза, и Наташа равнодушно отметила, что вот сейчас, только что, чуть не попала под машину.

– Ну куда прешь, дура? – выкрикнул, опустив стекло, водитель «жигуленка». – Жить надоело?

«У нас нет денег, – тупо повторяла про себя Наталья, – какие пять тысяч долларов? И сотни рублей нет. Ну, положим, рублей пятьсот я могу занять у мамы. Но не больше. Све-кровь дала бы без разговоров, сколько нужно. Но нет у нее. Она живет на зарплату, которую не выплачивают месяцами. Саня ей часто подкидывал сотню-две долларов, но все равно ей едва хватало на жизнь. Из друзей и знакомых занять не у кого, просто потому, что неизвестно, когда и каким образом мы сумеем вернуть. Лишних денег сейчас ни у кого нет. Обратиться к другому адвокату, который подешевле? Но я и самого дешевого не сумею оплатить».

Наташа обещала маме приехать за Димычем сразу после разговора с адвокатом, но сама не заметила, как доехала до своего дома. Не разувшись, в грязных сапогах бросилась на кухню. Там, на подоконнике рядом с телефоном, лежала Санина большая записная книжка. Наташа нашла номера Мухина, домашний и мобильный. Сняла трубку, но тут же бросила ее.

«Если он как-то связан с убийством, звонить ему нельзя ни в коем случае. Что бы я ни сказала, каким бы невинным предлогом ни защитилась, он тут же поймет. А ведь Саня просил позвонить именно ему... Да, просил, однако он ведь не знал, что Мухин позавчера побывал здесь. Или знал?»

И тут она совершенно отчетливо вспомнила, что позавчера вечером пистолета в ящике уже не было.

Позавчера пришло извещение о задолженности за квартиру. Старые оплаченные счета лежали в том же ящике, где пистолет. Бумажки были разбросаны, Наташа пыталась собрать, разложить по порядку и автоматически отметила про себя, что нет пистолета. Она хотела спросить Саню, куда он дел «вальтер», но завозилась с подсчетами, сумма задолженности казалась ей слишком большой, а потом ее отвлек Димыч, и больше она не вспоминала о пистолете до тех пор, пока не пробила сегодня утром в милицию к арестованному мужу.

«Я не брал его с собой. Мне некуда было его положить...»

Конечно, не брал. Его просто не было в доме, этого несчастного пистолета. Лучше бы его вообще не было.

Саня купил «вальтер» в июне. Он с детства мечтал иметь настоящий собственный пистолет. Наташа сначала испугалась, уговаривала выкинуть или хотя бы спрятать и никому не показывать. Но Саня, будто назло, таскал пистолет в гости, хвастал, как мальчишка, потом на даче пострелял по мишени и остался собой недоволен, заявил, что будет упражняться. Впрочем, скоро наигрался, успокоился. Пистолет убрал в ящик письменного стола. В последний раз вытаскивал его оттуда очень давно, кажется, в августе. Ну, конечно! Двенадцатого праздновали день его рождения, всего за пять дней до кризиса. Это был пир во время чумы, он позвал человек двадцать, в том числе Вову Мухина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.